

A romantic scene of a man and a woman embracing in the ocean. The woman is in the foreground, wearing a black bikini, looking towards the camera. The man is behind her, his arms wrapped around her. The water is dark with shimmering golden reflections from the setting or rising sun. In the top right corner, there is a white circle with a black border containing the text '18+'.

18+

Андрей Смирягин

Океан Между

Андрей Смирягин

Океан между

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62683898

SelfPub; 2020

Аннотация

Захватывающий роман о безоглядной любви на сломе эпох и путешествии через океан.

Содержание

Америкос	4
Проза Семейной Жизни	21
Красная Стрела	34
Питер	58
Музей	79
Котенок Из Дома 69	97
День Рождения	125
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Андрей Смирягин

Океан между

Америкос

Иногда люди готовы заплатить самую высокую цену за одно мгновение блаженства. Они готовы пожертвовать подчас жизнью, что уж говорить о деньгах. Если, просыпаясь утром, ты понимаешь, что вчера отдал последнее в угаре страсти, то ни капли не жалеешь и о потраченном не вспоминаешь, потому что именно страсть делает нашу жизнь наполненной и осмысленной – а это цены не имеет.

Эта история началась с неожиданного звонка из Америки, который раздался в квартире Никиты Самолетова. Звонил его давний приятель по имени Гриша. Он попросил Никиту о маленьком одолжении: его дядю Юлика, который, так сложилось, был младше Гриши на пару лет, осенила гениальная идея делать бизнес в России, и на первое время ему требуется приют и небольшая опека, пока он сам не освоится и не найдет себе квартиру.

Гришиного дядю, о котором он так трогательно пекся, родители вывезли в Америку в десятилетнем возрасте, в результате чего тот совсем оторвался от российских реалий. Самолетов уже встречался с Юликом не раз в Москве и в

Америке, но начиная с самой первой встречи на одной из вечеринок в Вашингтоне тот ему сильно не понравился. Уж слишком самоуверенно и даже нагло вел себя этот молодой человек со своими собеседниками, включая Самолетова, который был старше лет на пять, слишком беспардонно рассказывал о своих прошлых и нынешних амурных похождениях в присутствии незнакомых дам и своей нынешней подружки. Впрочем, личность Юлика при всех недостатках не могла остаться незамеченной, как пример человека, в котором удивительным образом соединилась русская простота, которая бывает хуже воровства, и американская деловая хватка, замешанная на еврейском прагматизме.

Жена Самолетова улетела на месяц погостить к родным в Сибирь, и поэтому не было причин отказывать старинному приятелю, который так тепло принимал Никиту в Америке.

В России Юлик решил наладить продажу пилюль от простуды – очевидно, предположив, что в стране, где полгода свирепствует зима, это не может не принести большой и быстрой прибыли.

Как он сам объяснил Никите, прилетев в Москву, прибыль от продажи лекарств всего в десять раз меньше, чем прибыль от наркотиков. На наркотиках на каждый вложенный доллар можно получить тысячу, а на лекарствах – только сто. Недаром в английском языке слово лекарства и наркотики обозначают одним и тем же словом «drugs».

Когда Никита спросил, почему Юлик решил разбогатеть

на этом именно в России, он то ли в шутку, то ли всерьез заявил:

– Я хочу помочь несчастному русскому народу!

– Как именно? – поинтересовался Никита. – Привезешь сюда аспирин в красивой упаковке и будешь продавать в пятьдесят раз дороже? Это напоминает историю, как первые поселенцы на американском континенте обменивали у индейцев стеклянные бусы и зеркальца на золото и землю.

– Наоборот, – деловито ответил Юлик, – я буду возить лекарства абсолютно с таким же составом, как у крупных фармацевтических фирм, но гораздо дешевле.

– А почему ты решил, что люди будут покупать именно твою отраву, а не хорошо разрекламированные обертки?

– В том-то и дело, что их упаковки и название будут похожи!

– Но это же нечестно! Они столько денег вбухивают в рекламу, а ты будешь снимать с этого сливки.

– Эй, о чем ты говоришь?! – весело ответил Юлик. – В Америке это обычная практика: либо ты выбираешь имя, либо цену.

– Ну, если гадость внутри будет одна и та же, – рассудил Никита, – тогда это в самом деле скорее благо, чем зло.

– Эй, еще бы! – и Юлик расцвел своей фирменной акульей улыбкой от уха до уха.

После этого разговора начало симпатии Самолетова к Юлику было положено. Никита понял, зачем в насквозь про-

питанную коррупцией и криминалом Россию с полным бардаком в законах и головах едут самые отчаянные американцы, когда с тем же запалом и трудолюбием они могли бы делать не меньшие деньги в понятной и благополучной западной экономике.

Они ехали в Россию за тем же, за чем больше века назад первопроходцы дикого американского Запада стремились в свое эльдорадо. В России они видели раздолье для авантюризма – в хорошем смысле этого слова. Они были искателями приключений на земле с неисчерпаемыми богатствами, где аборигены (то есть местные индейцы) глупы и заторможены, а женщины красивы и всегда готовы к услугам любому, у кого есть синий паспорт и такая вот располагающая улыбка.

Очевидно, порода этих людей, в свое время создавших Америку, еще не перевелась, и Юлик был одним из них: смысленый, трудолюбивый, пунктуальный, с внутренним кодексом деловой чести и, что было особенно симпатично, непреклонной верой в успех.

Единственной его слабой стороной была страсть к женскому полу. В его отношении у него была целая теория, одной из составных частей которой была идея о поиске на российских просторах не только сокровищ, но и идеальной жены. Впрочем, какая же польза от дальнего путешествия без настоящего романтического приключения?

Своего нового квартиранта Никита видел только по утрам

и вечерам, все остальное время Юлик носился с небывалой энергией по городу, подписывая договора, собирая нужные бумажки у чиновников и заводя полезные контакты в аптеках.

Как-то вечером, вернувшись с очередных деловых переговоров, Юлик обратился к Самолетову с неожиданной просьбой:

– Эй, послушай, я узнал, что ночью на Тверской у вас можно снять проститутку, и как будто недорого.

– А что, разве ты уже отказался от идеи найти здесь приличную девушку? – сдерживая ухмылку, спросил его Никита.

– Да нет, дело не в этом. Проститутки – это совсем другое. Честно говоря, мне просто интересно, как этот вопрос решается в Москве.

– Ну, если ты хочешь снять девочку в чисто познавательных целях, то это можно устроить. Сколько сейчас?.. Половина девятого. Значит, они уже на рабочих местах. Поехали...

Кое-кто называет проституткок ночными бабочками, однако в этот урочный час толпа девушек, облепивших Тверскую и Моховую вдоль гостиницы «Москва» до Старой площади, скорее напоминала скопление пчел на сотах припаркованных вдоль дороги машин. Пчелы кучковались вокруг своих маток, вернее, «мамок», которые и регулировали здесь тор-

гово-денежные отношения.

У ближайшей разноцветной кучки Никита притормозил.

Все «пчелки», как по команде, повернули головы к остановившейся машине. В их взглядах читалось встревоженное любопытство, ведь в машине сидит тот, кто, возможно, через полчаса навалится на тебя всем телом. Какой он будет, этот твой любовник: старый вонючий импотент с гнилыми зубами или красивый любвеобильный юноша?

К пассажирской двери их машины тут же подлетела мамка – женщина лет тридцати пяти с остатками растаявшей фигуры.

– Вам девочек? Сколько? – сразу взяла она быка за рога, бросив оценивающий взгляд в салон автомобиля.

– Одну, – ответил Никита.

– Вам какую: подешевле, подороже?

– Ты построй всех, а там поглядим, – распорядился Самолетов, зная, что чем меньше здесь разводишь церемоний, тем больше тебя уважают.

Сутенерша захлопала в ладоши и закричала своим подопечным:

– Так, девочки, встали, работаем!

Девочки, суетливо перебирая не по погоде дерзко открытыми ножками, стали выстраиваться в линию, устремив на клиентов любопытно-нахальные взгляды.

Нет ничего красноречивее на свете, чем улыбка на лице проститутки, которую выбирает клиент. В ней сочетается и

фальшивая бодрость, и презрение к выбирающим ее жеребцам, и покорность судьбе. С одной стороны, ты должна понравиться клиенту, а с другой – кто знает, что тебя ждет, если ты понравишься именно ему.

– Ну что, выбрал? – спросил Самолетов Юлика.

Тот, обалдело глядя на происходящее, неопределенно пожал плечами.

– А можно еще посмотреть?

– Думаю, даже нужно.

– Ну что, выбрали кого-нибудь? – спросила мамка прокурренным голосом бывшей проститутки. – Посмотрите, какие девочки! Вон та, с краю, видите, какая хорошенькая?

– И сколько за нее? – ради любопытства спросил Никита.

Мамаша, почувствовав сделку, оживилась.

– Отдам всего за сто. Хотите с нею поговорить? Сейчас позову. Э-э-э, как тебя, девочка с краю... да-да, Настя... подойди сюда.

Та покорно двинулась к машине.

– Да ладно, не надо, – остановил ее Никита, – я и так все вижу.

– А то смотрите, девочка стройненькая, грудь – третий номер.

– Ладно, если надумаем – подведем, – оборвал ее Никита и нажал на газ.

Буквально через сто метров он притормозил у следующего улья. К ним резво подбежала худощавая мамаша с рас-

траченным лицом и склонилась к открытому окну с подобострастной слегка пьяной ухмылкой:

– Вам девочек?

– Нам одну, – ответил Никита.

– Только без анального секса – почему-то сразу предупредила мамаша и поморщилась, словно вспоминая о чем-то неприятном.

– Само собою, – успокоил ее Никита.

Как и в первом случае, она дала команду, хлопнув в ладоши, и через пять секунд в свете фар у машины выстроилась рота девочек разнообразных типов, возрастов и степеней симпатичности.

Как и положено, все они были одеты с крикливым вызовом. При такой конкуренции каждая старалась подчеркнуть свои сильные стороны: те, у кого были красивые ноги – выделяли их высокими сапогами и сверхкороткими юбками, у кого имелась грудь – активно намекали на нее глубоким вырезом.

– Ну что? – обратился Никита к Юлику, про себя отметив тех, кого он мог рассматривать хотя бы как кандидаток на рассмотрение.

– Ну, вроде, вон та, по центру, в кожаной куртке...

Эту девушку с хорошей фигуркой и довольно правильным лицом, что было здесь редкостью, Никита тоже отметил, однако сразу предположил за ней немалый груз лет, умело скрываемый под ярко накрашенными губами и чрезмерным

макияжем, который и в самом деле в темноте мог произвести впечатление сексуальной привлекательности.

– Хочешь, покажу фокус?

– Что ты имеешь в виду?

– Давай с ней поговорим.

– Зачем? – удивился Юлик.

– Надо перебраться с нею хотя бы парой слов, чтобы понять ее интеллектуальный уровень.

– А зачем нам ее интеллектуальный уровень?

– Затем, что интеллект девушки проявляется в постели, – объяснил Никита и, подозвав мамашу к окну, указал на выбранную девушку.

– Пусть подойдет вон та, в кожанке, мы посмотрим поближе.

Мамаша, в свою очередь, выкрикнула имя девушки, и та, вульгарно раскачивая бедрами, приблизилась к машине.

– Привет, – весело воскликнул Никита, как будто знал девушку уже давно.

– Привет, – осклабилась та, сразу обнаружив многочисленные морщины на лице, безошибочно выдающие ее возраст.

– Как дела?

– Пока не родила, – отшутилась девушка, выдав не только возраст, но и немалый опыт в общении с клиентами.

– Да ладно! – рассмеялся Никита. – Откуда ты?

– Из Иваново.

– А, город невест! – закончил сентенцию Никита и вопросительно посмотрел на Юлика.

– Denied, – произнес Юлик по-английски, чтобы девушка не поняла, что ей отказано.

– Ну что, берете? – вмешалась в их обсуждение сутенерша. – Надюша у нас девочка хорошая.

– Ага, а девочке уже тридцать четыре года, – усмехнулся Никита.

– Да нет, что вы... Надюша, сколько тебе? Вот видите, ей еще и тридцати двух нет.

– Консервы, – тихо проговорил Юлик.

– Я смотрю, ты вошел во вкус! – рассмеялся Никита. – Тогда как тебе вон та, с краю, в цветных лосинах? По-моему, ничего: и фигурка, и грудь. Правда, лицо слишком бледное. Не очень хочется нарваться на наркоманку.

– All denied, – объявил Юлик свое отрицательное отношение к кастингу в целом.

– Пожалуй, мы еще проедемся, – помахал рукой мамаше Никита и перенес ногу с педали тормоза на газ.

– Ну, как знаете! Лучше девочек вам все равно не найти, – разочаровано бросила та вдогонку и поспешила к следующей подъехавшей машине.

– Интересно, и много здесь проститутки зарабатывают? – спросил Юлик, пока они медленно ехали вдоль залитой огнями Тверской, выискивая глазами торгующую живым товаром точку.

– Не так много они зарабатывают, сколько мы на них тра- тим, – туманно ответил Никита и указал на одиноко и как будто бесцельно стоящую у дороги приметно одетую девушку. – Ну что, еще одна попытка?

– Эй, еще бы! – с горящими от азарта глазами воскликнул Юлик.

– Что, понравилось? – усмехнулся его экскурсовод. – Это здесь всем нравится. Наши бляди – самые бляди в мире!

Общение с девушкой было кратким. Пароль: «Нам бы де- вушек посмотреть...», отзыв: «Во двор, налево».

– А эту можно? – спросил Юлик, пожирая глазами девушку-указатель, пока Никита сворачивал в арку, ведущую во двор.

– Можно, но только в конце ночи, она же у них еще и при- манка.

В неосвещенном дворе уже стояло несколько машин, в свете фар которых выстроилась просто пугающе огромная толпа ночных фей. По команде старшей наблюдающей мамки, разбитной женщины неопределенного возраста в рейту- зах и дурацкой вязаной шапке с начесом, девушки по оче- реди выходили из припаркованных в темноте микроавтобусов и, сменяя друг друга, строились в линию для демонстрации.

Никита сразу заметил девушку, которая резко выделялась из общего довольно однообразного ряда девочек-провинци- алок, приехавших подзаработать в столицу и попавших здесь в жесткие и беспощадные лапы сутенеров.

Тоненькая, в коротеньком приталенном пальтишке, открывающем идеальные длинные ноги в темных чулках, с ангельским лицом подростка и красивыми грустными глазами, она стояла чуть сзади, как бы вовсе и не стремясь быть выбранной.

Никита и Юлик почти одновременно обратили друг к другу красноречивые взгляды. В их глазах читалось одно и то же – а именно, что выбор делать не надо, он уже сделан!

Неожиданно сзади раздался шорох автомобиля на широких шинах и по девушкам ударил мощный свет фар затормозившего во дворе джипа «Тахо», который в России очень любят бандиты, а в Америке – матери многодетных семейств.

Из него вывалились два мордоворота с растопыренными пальцами. Один из них тут же начал командовать:

– Так, мамка ваша где?.. Давай всех выстрой, сейчас смотреть будем... У вас тут что, наводнение было? Столько коряг нанесло! Так, расценки мне пробазарь... За опт скидываешь?.. Так, вот этих двух крайних подгони... Пальтишко расстегнули... Ну, чего, девчонки, замуж сегодня пойдём? У меня в гостях двое с Кавказа. По их законам сначала в баню...

Юлик с мольбой посмотрел на Никиту, но тот уж и сам понял всю критичность ситуации. Выскочив из машины, он подбежал к «мамке» в уродской шапке с начесом и как можно более равнодушным голосом спросил:

– Сколько вон та девочка в коротком пальтишке?

Сутенерша сначала оценивающе посмотрела на Никиту, а потом перевела взгляд в направлении его руки.

– А, Инна? Хороший выбор! Инна у нас девочка совсем молоденькая, еще не рожавшая, отдам за сто пятьдесят, никак не меньше.

– Договорились, – согласился Никита, – за сто двадцать мы ее берем.

– Да вы что, она у меня и за двести уйдет, а вам, как симпатичному мужчине, так и быть, отдам за сто пятьдесят.

Никита мгновение поколебался, продолжать ли торг, но, заметив заинтересованный взгляд одного из бритых громил в направлении их девушки, тут же сдался:

– Договорились, мы ее берем.

– Так, – громко скомандовала бандерша. – Инна идет за вещами, остальные работаем, не спим.

Расплатившись с сутенершей, Никита подождал, пока девушка возьмет в микроавтобусе пакет со своими вещами, усадил ее на заднее сиденье автомобиля, с удовлетворением отметив ее трогательно-сексуальную походку, после чего сам сел за руль.

– Эй, мы же забыли с нею поговорить! – с озорством в голосе воскликнул Юлик.

– Это можно, – хмыкнул Никита, и обратился к сидящей позади девушке. – Забыл уже, как тебя зовут?

– Инна, – приятным и немного смущенным голоском ответила та.

– Скажи, Инна, ты этим занимаешься с удовольствием или по необходимости?

– Вообще-то мне нравится, – произнесла девушка уже расслабленно и без смущения.

– Ну что? – с насмешливым вопросом посмотрел на Юлика Никита.

– Agreed! – с восторгом одобрения воскликнул тот...

Ничто так не сближает мужчин, как ночь, проведенная с одной женщиной, особенно если они берут ее одновременно.

У Самолетова так часто бывало: человек, с которым они с первого взгляда не нравились друг другу, потом завязывал с ним крепкую многолетнюю дружбу.

Юлик и в самом деле оказался неплохим парнем. Как он сам рассказывал, он происходил из бедной русско-еврейской семьи эмигрантов, и у него в жизни было только два пути: либо, как его отец, всю жизнь ходить в наемных работниках, пускай даже и высокооплачиваемых, либо самому зарабатывать достаточно денег для обеспечения себя и своей будущей семьи.

За этим Юлик, собственно, и приехал в Россию, имея начальный капитал, который он заработал, еще учась в университете. В то время как его друзья наслаждались прелестями студенческой жизни с бесконечными вечеринками и любовными похождениями, Юлик купил газонокосилку и стал косить траву по объявлению.

– Я тогда учился и работал одновременно, – рассказывал он Самолетову в приступах откровенности, которые с ним случались достаточно часто. – Я шел за своею слабосильной газонокосилкой и плакал: мне надо было в университет, а я должен был скосить еще два акра...

Вскоре он купил вторую газонокосилку, гораздо мощнее, и фургон для перевозки. Год спустя он перестал косить сам, нанял работников, закупил десяток газонокосилок и открыл собственную фирму.

К концу обучения он подъезжал к университету на собственном восьмицилиндровом «Мустанге» в обществе красивой мулатки, в то время как другие студенты, весело, но бестолково прошедшие годы обучения, провожали его завистливыми взглядами.

Побывав в девяносто втором году на родине в Ленинграде, он вернулся в Америку, встал на колени перед отцом и матерью и поцеловал им руки в благодарность за то, что много лет назад они вывезли его из России.

Однако страна, на чьих обширных просторах он родился, успела чем-то запасть ему в душу.

Случилось так, что Юлик, взяв лучшее от обеих культур, мог приспособиться к любым условиям и одновременно быть устойчивым к любым неприятностям и неудачам.

После ночной вылазки на Тверскую Юлика как подменили, он оказался настоящим авантюристом, освоение местных порядков пошло у него с поражающей всякое воображение

скоростью. Если раньше, сбитый с толку страшными сказками, которые рассказывают о России западные средства массовой информации, он боялся выходить на улицу в темное время суток, то теперь почти каждую ночь он заявлялся домой в четыре часа утра, еле попадая ключом в дверь да еще таща за собою какое-нибудь юное и непритязательное создание с большими невинно хлопающими глазами.

Когда Самолетов поинтересовался, откуда Юлик их берет в таком количестве, тот, одарив его сверкающим оскалом своих зубов, рассказал о гениально простом способе.

Заметив на улице, в метро или кафе понравившуюся девушку, он подходил к ней и с сильным американским акцентом просил объяснить, как куда-нибудь добраться.

Это работало практически безотказно. Девушка не только рассказывала, как это сделать, но и доводила его до места. Мало того, замороженная приветливым иностранцем, она легко соглашалась на свидание вечером, которое обычно заканчивалось уже известным образом. Вообще-то в обычной ситуации английский акцент Юлика не сильно резал ухо – например, склонения и спряжения он не путал никогда, в этом смысле он был абсолютно двуязычен – но, когда Никита спрашивал его, на каком языке он думает, на английском или на русском, Юлик ухмылялся и отвечал: «На американском».

Простодушные Юлика, касалось ли это бизнеса или отношений с девушками, импонировало Самолетову, как пример

здорового цинизма, в котором скрывалась большая жизненная сила. Он не комплексовал по пустякам и заражал своим пофигизмом других, отчего женщины легко прощали ему измену, а мужчины – предательство.

Апофеозом его панибратского отношения к любым проявлениям жизни стала фраза, как-то брошенная утром за завтраком:

– Сегодня я хочу сходить в церковь, – неожиданно заявил он, прихлебывая чай из блюдечка, чему научился где-то в гостях.

– Зачем это? – искренне удивился Никита.

– Хочу купить там лампадку – под нею здорово трахать-ся...

Проза Семейной Жизни

Одним осенним вечером, когда Никита после ужина смотрел с женой кино по телевизору, раздался звонок телефона. Он первым подошел к трубке и, к своему удивлению, услышал бодрый голос Юлика, который уже давно жил самостоятельно в съемной квартире на Покровском бульваре и звонил редко, занятый с головой своими таблетками, а больше бесконечными любовными похождениями.

Америкос, как это всегда у него бывало, без лишних церемоний, используя жаргонные словечки, которых нахватался у местных бизнесменов, задал ошарашивающий вопрос:

– Братан, ты поедешь завтра с нами в Питер?

– В Питер? – слегка опешил Никита, ловя на себе взгляд жены с немим вопросом, кто звонит. – С какой целью?

– С целью весело провести время с двумя симпатичными девушками, которые мечтают с тобою познакомиться, особенно одна.

– Это шутка?

– Сейчас эта шутка с тобой поговорит...

– Подожди, подожди, – попробовал остановить его Никита, но было поздно, в трубке наступила небольшая пауза с шорохом передаваемой из рук в руки трубки, а потом он услышал нахальный девичий голосок:

– Привет!

– Здрасьте! – немного обалдело ответил Никита.

– Мы на выходные собираемся в Питер. Вы с нами поедете?

– В выходные? – переспросил Никита, не зная, что ответить.

– Да, мы выезжаем в пятницу вечером, – продолжал нахальный голосок.

– Почему так срочно?

– Что за странный вопрос? – опешила девушка, не понимая, почему он так скован в разговоре. – Нам как раз не хватает четвертого для компании.

– Даже не знаю, что ответить...

– Ха-ха-ха! Тут у меня вырывают трубку... Пока!

Снова послышался шелест передаваемой трубки.

– Братан, соглашайся, – раздался громкий голос Юлика, потом он понизил его до интимного тона, – очень советую, это что-то специальное. И она тобой интересуется. Так ты едешь?

Против такого выкручивания рук устоять было трудно. Со всей серьезностью, на которую он был только способен, играя сильное раздражение, Никита ответил:

– Хорошо, я поеду, но чтобы это было в последний раз!

– Почему последний, ха-ха? Ты что, не можешь говорить? А-а, понимаю. Потом созвонимся, я тебе расскажу, как я с ними познакомился. Это почти детективная история, – у этого американца все истории были детективными. – Короче, я

на завтра покупаю билеты на «Красную стрелу», и ждем тебя у поезда в половине двенадцатого.

Никита с преувеличенной злостью бросил трубку.

– Кто звонил? – спросила жена с нескрываемым любопытством.

– Да-а, с работы, начальник, – он беспомощно развел руками. – Совсем обнаглели. Требуют, чтобы в эти выходные я ехал в командировку в Питер. Обещают хорошо заплатить.

– Какие сволочи, – посочувствовала ему жена. – Но делать нечего, деньги нам сейчас очень нужны, ты же знаешь.

– Да, – согласился он, чувствуя себя последним гадом, – делать и правда нечего...

Почему мужчина изменяет? Даже если он счастлив в браке, ну пусть не счастлив, а по крайней мере, удовлетворен в нем? И все равно, сложись обстоятельства, делает это походя, как ни в чем не бывало, порою даже, не смыв запаха чужой женщины, укладывается на супружеское ложе. Подлец ли он? Негодяй? Или просто обычный человек, которому не хватает в жизни приключений?

Самолетов никогда не рассматривал себя как обычного человека, да и немалое число талантов не давали ему для этого оснований. Кроме того, он был умен, энергичен, общителен, спортивен, закончил физический факультет московского университета, и самое главное, по его собственному убеждению, имел незаурядные способности к словосло-

жению.

Вот это его последнее обстоятельство и сыграло с ним злую шутку. Если считать себя в чем-то гениальным, то все остальные способности не приносят плодов. Сразу после окончания университета, он вместе с друзьями бросился в пучину частного предпринимательства. Страна, находящаяся в периоде перехода из социализма в капитализм, давала энергичным без чистоплюйства молодым людям прекрасную возможность для первичного накопления капитала. Надо было лишь упереться в каком-нибудь деле, занять свободную нишу (а они в начале 90-х были свободны почти все), да прикрыть глаза на использование не всегда честных методов, включая уход от налогов, граничивший с воровством, и необходимость иметь бандитскую крышу.

Однако это претило высоким принципам Самолетова-творца. Как только дело доходило до серьезного предприятия, где надо было поставить на карту все, возможно и жизнь, он плавно отходил в сторону, оставляя своим компаньонам основную тяжесть морального напряжения и всю ответственность за исход дела, и, как следствие, основные доходы, если они были. Как результат, друзья, с которыми он начинал бизнес, быстро разбогатели, основали свои компании и перешли на более высокую ступень социального положения, куда Самолетова если и пускали, то только на правах старинного приятеля и человека творческого склада, с которым весело и хорошо, да и делить нечего, поэтому можно не

напрягаться при общении.

В конце концов друзья дали ему деньги на издание сборника рассказов, который он сам потом и возил по магазинам, пытаясь получить с этого хоть какой-то доход. Но работать лично с автором магазина почему-то не хотели. Обычно директор магазина его спрашивал, вертя книгу в руках:

– Это что?

– Это юмор! Очень смешная книга! – отвечал с энтузиазмом Самолетов.

– Да, – хмурился директор, – к сожалению, наш народ не понимает юмора.

– Там много и эротики, – пытался автор угадать вкусы гипотетического «народа».

– Вы с ума сошли, – с негодованием возвращал книгу директор, – в наш магазин заходят дети...

Почти весь тираж так и остался лежать нераспроданным на складе у одного из его друзей, удачливого предпринимателя. И Самолетов сдался. То, ради чего он пожертвовал карьерой в бизнесе, оказалось фикцией, пустышкой. Он решил, что никогда не станет великим писателем, а на меньшее он согласиться не мог. И тогда он зарекся писать раз и навсегда. И даже когда знакомые, а он, само собою, снабдил экземпляром своей книги почти всех, хвалили его и говорили, что давно не получали такого удовольствия от чтения, он недовольно морщился – мало кому понравится напоминание об жизненных неудачах. Теперь Самолетов работал про-

стым программистом, жизнь которого, как известно, тяжела и неказиста.

С женщинами Самолетова преследовала похожая история. В молодости отношения с каждой он рассматривал лишь как некую репетицию перед будущей настоящей страстью. Он был надежным другом, остроумным собеседником, страстным любовником, но как только все вступало в серьезную стадию принятия ответственного решения, а именно: жениться или не жениться, – он делал шаг в сторону. Нет, он никогда не рвал отношений внезапно, сообщая влюбленной девушке, что им лучше расстаться. Он просто переставал прилагать усилия к их поддержанию. Он никогда не звонил первым, но отвечал на звонки. Если она хотела встретиться, он встречался, и вел себя так, будто ничего не изменилось. Если она хотела любви, он не отказывался, снова и снова доводя ее до признания, что такого она уже не сможет испытать никогда.

Однако в главном, в попытках разобраться в его чувствах и истинных намерениях, он выказывал полное безразличие. И в ответ на вопрос подруги: «Что с тобой? Разве ты меня больше не любишь?» – пожимал плечами в притворном непонимании: «О чем ты? Нам ведь сейчас так хорошо? Не будем портить отношения дурацким выяснением».

В зависимости от того, как долго та или другая подруга готова была терпеть такое положение вещей, столько време-

ни и продолжался их роман. Впрочем, если не случилось одно «но».

Дело в том, что его натура имела странное свойство: как только в положении девушки случалось какое-либо кардинальное изменение, например, если она удалялась на значительное расстояние или, не дай бог, выходила замуж, его страсть вспыхивала с небывалой силой.

Так случилось с девушкой по имени Глория, роман с которой закончился ее отъездом в другую страну. Это обстоятельство всколыхнуло его любовь с небывалой силой. Образ далекой покинутой всеми женщины, которую он называл «птенцом», нуждавшейся в его опеке и защите, разбудил в нем океан нежности и желания.

Он стал засыпать ее исполненными страсти письмами, он тратил огромные деньги на долгие будоражащие воображение телефонные разговоры. К несчастью, эта перемена нашла сильный отклик и в душе Глории, которая, имея простой и очень самостоятельный характер и отринув помощь родных и близких, отчаянно боролась за выживание в новых обстоятельствах. Так случилось, что судьба поначалу забросила ее в Израиль, а потом перенесла в Штаты, и везде Никита преследовал ее короткими визитами.

Но поездки Самолетова закончились ничем. Если при первых встречах они просто умирали от счастья держать друг друга в объятиях, то чем лучше она адаптировалась в новой жизни, тем меньше и меньше они находили точек со-

прикосновения. Пока вдруг не выяснилось, что между ними не осталось ни капли общего. Они расстались при обоюдном понимании и согласии.

И здесь вдруг выяснилось, что рядом с Самолетовым давно находится особа, которую как будто совершенно устраивает его отношение к жизни.

Их знакомство состоялось еще на пике романа Никиты и Глории. И поначалу казалось случайной сексуальной связью двух молодых и не замороченных условностями людей. Она все знала про его поездки, куда и зачем он путешествует, и догадывалась про многих других женщин, но старалась и виду не подать, что ее это сильно трогает.

Она никогда не отказывала ему в сексе, как бывает со многими девушками, которые, жеманно ломаясь, поднимают цену каждого соития до невероятных высот, практически открывая торговлю каждым фактом случки, требуя взамен либо дорогие подарки, либо признания своей безоговорочной власти.

Она никогда с ним не ссорилась. И даже если случался неожиданный конфликт, ну например, она находила в компьютере его переписку с какой-нибудь страстной особой, это не приводило к немедленному разрыву. При обсуждении обоюдных претензий: во-первых, какое она имела право и, во-вторых, как он только мог, во время которых в ход могли идти самые безобидные вещи, включая крепкие выражения, брошенные на пол чашки, сломанные стулья и другая мелкая

и крупная мебель, – она доходила до определенного предела, но в конце концов ему уступала.

Она позволяла ему практически все, что с одной стороны ему очень импонировало, а с другой настораживало, не имеет ли она какой-то скрытый план. Но время шло, и если какой-то скрытый план и существовал, то он был настолько законспирирован, что не имел ровным счетом никакого значения.

Ему было хорошо и комфортно. Она была умна в общении, так что ему никогда не было скучно, и сексуальна, так что он всегда был удовлетворен. И чем дальше шло время, тем меньше ему хотелось искать кого-то на стороне – от добра добра не ищут.

Когда ему исполнилось тридцать лет, он вдруг в первый раз со всей серьезностью подумал, а не та ли это девушка, которая послана ему судьбой? И впервые эта мысль не показалась ему ужасной.

Более того, он осознал, что уже далеко не мальчик, а время с каждым днем идет с нарастающей скоростью, и что пора подумать о продолжении рода – ужасно не хочется оставаться на старости лет одному. И если он не женится сейчас, то уже никогда не женится. Короче, на него вдруг нахлынул весь тот букет ощущений, который можно назвать кризисом переходного возраста из юношеской мечтательности в состояние трезвой зрелости. Ему отчаянно захотелось вскочить в семейный поезд, где давно мчались его более успешные дру-

Зья.

Но чтобы это и в самом деле произошло, оказалось достаточно какой-то мелочи, полнейшего пустяка. Однажды утром, когда он отвозил на работу эту особу, с которой давно жил гражданским браком, она вдруг ему объявила, что с сегодняшнего дня оставляет ему только две альтернативы: либо он завтра женится на ней, либо она уходит от него навсегда.

И он сдался! Вернее, она его дожала, в отличии от менее терпеливых претенденток. Через месяц они подали заявление на брак, а еще через месяц расписались в присутствии всего двух свидетелей.

Итак, их брак не был венцом страстной любви, когда люди дают клятву на верность, а был, скорее, договором друзей о совместном проживании, и то, что договор был подтвержден государством как официальный институт, ничего не меняло.

Конечно, он тщательно скрывал от нее свои похождения. Чаще всего это и похождениями назвать было трудно. Ну разве меняет что-либо в отношениях супругов, когда она уезжает, допустим, погостить к родственникам в другой город, а он, мучимый одиночеством и тоской, а больше ощущением, что упускает прекрасный шанс, едет ночью в город и снимает на ночь проститутку? Самолетов никогда не считал половой акт чем-то настолько серьезным, что может испортить хорошие отношения между людьми.

Он даже не помнил их по именам и лицам. Немножко, может быть, по телам и темпераментам, которые редко у кого из ночных бабочек бывали хороши.

Иногда в общении с женой он проговаривался об этом.

– А с другими женщинами тебе так же хорошо? – однажды спросила она ревниво.

– Конечно, не так, – ответил он, отрываясь от какого-то дела, кажется, от просмотра телевизора.

– Что? Значит, ты продолжаешь трахать еще кого-то? – закричала она, схватила его за шею и сдавила горло.

– Не мог же я ответить, что с другими мне еще лучше, – попытался отбрехаться он, но не тут-то было, ее хватка стала еще крепче.

– Итак, я повторяю вопрос: с другим тебе так же хорошо? Думай, что отвечать, хорошо думай!

– Я не знаю... Кхе-кхе... Ой, мне дышать нечем!

– Думай, хорошенько думай!

– Я не знаю, как с другими, и не хочу знать...

– Вот, так бы сразу, – и она милостиво отпускала его на свободу.

– Кстати, а почему ты спросила? – интересовался он, потирая шею.

– Потому что ты уставился на эту полуголую девку на экране, когда рядом лежит живая жена!

– Ты что, ревнуешь? – снисходительно улыбался он, хлопывая ее ниже пояса, – Ну, ладно, давай я займусь с то-

бою любовью. Только повернись лицом к телевизору.

– Ты что, при этом еще собираешься смотреть телевизор?

– А ты разве нет?

– Боже мой, какой ты неромантичный!

– Ах, тебе романтики мало? А ну пошли!

– Куда?

– Сейчас я тебе покажу, куда...

– Нет, только не туда!

– Ну ты же сама говорила, что тебе романтики мало...

Дальше между ними происходило нельзя сказать чтобы очень бурное, но не без фантазии соитие, после которого он снова переключал свое внимание на телевизор, проводя так почти все вечера.

Время от времени она спрашивала его:

– Ты меня любишь?

Немного поразмыслив (он не любил банальных вопросов и ответов), Никита отвечал:

– Я тебя люблю, но только когда ты: во-первых, не лезешь в мои карманы, во-вторых, не суешь свой нос в мою переписку, и в-третьих, не обыскиваешь каждый угол нашего дома в поисках презервативов и других улик.

– Чего захотел, – она редко лезла за словом в карман, – я хоть и женщина, но далеко не дура...

Таким образом можно заключить, что их союз был построен на дружбе и юморе. И поэтому, если он ложился с другой женщиной, то не считал это изменой. Во-первых, он

ложился не дружить, а во-вторых, то, чем они занимались, не всегда было смешно.

Красная Стрела

Без пятнадцати двенадцать ночи Самолетов ступил на перрон Ленинградского вокзала и двинулся вдоль фирменного красного поезда, с волнением всматриваясь в толпу провожающих и отъезжающих в поисках Юлика и еще неизвестных ему спутниц.

Возле седьмого вагона он увидел плотную фигуру приятеля в вытертой желтой матерчатой курточке и рядом две девичьи фигурки.

Юлик, заметив Самолетова, замахал руками и заулыбался во всю ширину перрона. Девушки также повернулись в его сторону, с интересом вглядываясь в приближающегося к ним человека. Одна из них была выше Юлика на полголовы. У нее было симпатичное лицо с остреньким носиком и задумчивые глубоко посаженные глаза. Одета она была в длинную дубленку, под которой угадывалась фигура фотомодели.

Никита предположил, что это девушка Юлика: уж что-что, а фигуру он всегда выбирал идеальную. Другая девушка стояла чуть в стороне, и Никита не успел толком рассмотреть ее в свете вокзальных фонарей, лишь краем глаза отметив что-то изящное и волнующее.

– А вот и братан! – набросился на него со своим оптимизмом Юлик. – А мы уж думали, что ты испугался, что тебя растерзают две незнакомки, и не придешь. Познакомься, это

Люба...

Девушка-фотомодель протянула ему руку и приятным низким голосом сказала:

– Люба. Очень приятно познакомиться.

– Никита, – пожал ее длинные суховатые пальчики Самолетов, отметив про себя, что по телефону разговаривал с другой.

– А вон та девушка, делающая вид, что она не с нами – это Лана, – пояснил американец.

Никита, наконец, получил возможность рассмотреть вторую девушку, стоящую в лучах привокзального прожектора. На ней были голубые плотно обтягивающие джинсы, короткая распахнутая рыжая дубленка и модные полуботиночки на высоком каблуке. Роста она была не выше среднего, но ее фигурка была настолько тонка и изящна, грудь развита, а попа создавала столь дивный крутой изгиб, что у Никиты перехватило дыхание от охвативших его предчувствий. Дубленка едва закрывала ее бедра, и в свете бьющего сзади прожектора Никита обратил внимание, что в том месте, где ее стройные ноги соединялись, образовывался треугольный просвет, притягивающий взгляд, словно магнит. Он и представить себе не мог, что джинсы могут сидеть на женщине столь волнующе. Нет, скорее всего Юлик выбрал именно вторую девушку, по крайней мере Самолетов на его месте сделал бы именно так.

Между тем она подошла и просто протянула руку:

– А я вас знаю, – сказала она звонким голосом, как будто и вправду давно была знакома с ним.

– Откуда? – удивился Самолетов, рассматривая ее большие зеленые глаза газели, классический носик, правильно очерченные немножко полные губы и волевой подбородок.

– Я читала ваши рассказы – мне Юлик дал. Я давно просила познакомиться меня с автором, – она смотрела прямо в глубину его души, и он чувствовал в этом почти наглom взгляде неподдельный интерес.

– Какая приятная неожиданность, – он почувствовал, как его голос странно дрожит и каждое слово дается с трудом. Мало того, все тело приобрело деревянную неуклюжесть, утратив всякую естественность при движении.

– Скажите, а это правда, что там написано?

– Ну, как вам сказать, – попробовал найти слова Никита, – вообще-то мне хотелось, чтобы люди воспринимали все написанное мною как художественное произведение, а не как автобиографические записки.

– И все же я прочитала книгу взхлеб и редела в некоторых местах, как ненормальная.

– Ладно, хватит болтать, – вмешался Юлик, заметив, что между двумя молодыми людьми мгновенно возник глубокий контакт, – сейчас поезд отойдет. Или вы остаетесь?

– Нет, мы едем. Остаетесь вы, – рассмеялась Лана, и компания со смехом и веселой суетой погрузилась в поезд «Москва – Санкт-Петербург», отходящий в полночь.

У них было два двухместных купе-люкс. Как только молодые люди устроились в одном из них, Юлик достал пару бутылок шампанского и початую бутылку клюквенного ликера «Wildman».

– Не хочешь выпить? – предложил он Никите, чем оказал большую помощь, так как из-за охватившего его смущения тот не мог вымолвить ни слова. – А то мы тут уже с утра напиваемся.

– И я буду, – подхватила Лана, оказавшаяся рядом с Никитой на одном спальном месте, – налейте мне ликера!

– А я буду шампанское, – почему-то смущаясь, проговорила Люба.

– Посмотрите, а строила из себя девственницу: мол, я не пью, – издевательски произнесла Лана.

– Я и не пью, – подтвердила Люба, – я только попробую.

Юлик разлил всем в полиэтиленовые стаканчики, найденные рядом с бутылками минеральной воды, положенной в люксе.

– Эй! – поднял он «бокал». – Я предлагаю выпить за знакомство. Надеюсь, оно будет приятным. Не так ли, девочки?

При этом девочки почему-то захихикали, а Никита от неприкрытости намека кашлянул.

Они выпили, и Самолетову стало немного легче.

– Кстати, Никита, – продолжал выполнять обязанности тамады Юлик, – я тебе еще не говорил. Я познакомился с на-

шими попутчицами в Воровске, куда недавно летал по делам.

– Кажется, ты слетал не зря, – заметил Никита.

Девушки, довольные комплиментом, переглянулись.

– Ты не представляешь, что это за город! Ищу я в центре администрацию и по ошибке захожу в какое-то здание. И тут же чуть не схожу с ума от невероятного количества красавиц.

Девушки весело засмеялись.

– Это был всего лишь наш университет, – пояснила Лана.

– Вы учитесь в университете? – спросил немного удивленный Никита, никак не ожидавший этого от девушек.

– Да, в Воровском государственном, на РГФ, – с нескрываемой гордостью сказала Люба.

– Звучит весьма загадочно... Что такое РГФ? – поинтересовался озадаченный Никита, не зная, верить им или нет.

– Факультет романо-германской филологии.

– Эй! Я все время думаю, – вмешался в разговор Юлик, – зачем в самом центре России, где ни разу не ступала нога ни одного германца, я уже не говорю про романцев, вдруг понадобился факультет романо-германской филологии?

– А ты не догадываешься? – спросила его Лана.

– Даже близко представить не могу. Я понимаю, факультет математики или физики.

– Я бы еще меньше поверил, – вмешался в разговор Никита, – если бы девушки оказались с факультета математики.

– Как раз с математикой все понятно, – с уверенностью

знатока заверил Юлик. – Каждая женщина должна знать математику.

– Это еще зачем? – задал слегка обидный для женщин вопрос Самолетов.

– А как же! Чтобы складывать и отнимать мужиков, а затем их делить и умножать.

Такое объяснение вызвало у всех неудержимый прилив веселья.

– Нет, правда, – вошел в раж американец, – а еще девушку со знанием математики после окончания университета можно поставить на поле мешки с картошкой считать.

– Ага, – саркастически заметила Лана, – а со знанием физики – их грузить.

– Точно, – обрадовался такому дополнению Юлик. – Так вот вопрос: что будет делать в поле выпускница факультета романо – не приведи господи – германской филологии?

– Юлик, ты сейчас получишь! – Лана шутливо ткнула его в живот кулачком.

– Эй, я не шучу! Объясните мне, кому в Воровске понадобился ваш РФФ?

– Что же здесь непонятного, – начала объяснять Лана. – В любом городе есть его руководители, начальники разных предприятий и просто обеспеченные люди.

– Это я понимаю, – с комично-серьезной миной произнес Юлик.

– Хорошо. Если у них родится сын, его потом тоже можно

сделать начальником. А представь, если родится дочка-красавица. Куда ей после школы?

– В Москву, в институт, – предположил Никита.

– В Москву – одну, да еще на пять лет?! Боязно! Да и зачем, когда здесь под боком тоже есть университет, а на нем есть такой замечательный факультет, как РГФ, где и языкам научат, и образование высшее дадут. Знаешь, как у нас ценится невеста с образованием!

– Как интересно! – воскликнул Юлик. – Значит, на вашем факультете выпускают невест?

– Он, кстати, так и называется, – пристально глядя на Юлика, заявила Люба, – факультет невест.

Юлик с преувеличенным подозрением посмотрел на Любу, сделав нарочито глупый взгляд.

– Короче, ты попал, Юлик! – засмеялась Лана.

Тот картинно схватился за голову. Люба подала глазами знак Лане – мол, зачем она так сразу – и та сдала назад.

– Шутка! Ой, как курить хочется! – уводя разговор в сторону, воскликнула Лана. Затем, взяв со стола пачку дамских сигарет и зажигалку, спросила подружку. – Люба, ты не составишь мне компанию?

– Пойдем, – согласилась Люба, хотя было похоже, что она не курит.

Когда девочки удалились, закрыв за собою зеркальную дверь купе, Никита насел на загадочно улыбающегося Юлика:

– А теперь скажи, где ты их взял?

– Братан, это длинная история, – сразу с изощренностью инквизитора сообщил тот, видя, как горят глаза собеседника, – потом расскажу.

– Быстро говори!

– Братан, какая тебе разница, – не сдавался распираемый от удовольствия Юлик. – Представь, что тебе они свалились с неба. У нас два купе, впереди ночь, потом еще два дня в Питере. Расслабься...

– Юлик, ты не смотрел фильм «Восточный экспресс»? – Самолетов начал терять терпение. – Так вот, одного из пассажиров там убивают с особым цинизмом. Надеюсь, ты не хочешь оказаться на его месте?

– Только без угроз, братан. – попросил американец примиряюще, – Вижу, они тебе понравились.

– Понравились – не то слово. Я ничего не понимаю!

– Как будем делить? – с шутливым прагматизмом спросил американец.

– Обе ничего, но ты одну уже выбрал?

– Я-то выбрал. А кто тебе больше нравится? Хочешь угадать? – Этот первопроходец российского «дикого Запада» знал толк в изощренных моральных пытках. – Как тебе, например, Лана?

– Я в шоке! – с предельной откровенностью сознался Самолетов.

– То-то, – милостиво сказал американец, – я ее уже давно

знаю и очень рекомендую.

– А мне показалось, это она твоя девушка?

– Я чувствую, ты меня сейчас, как Дездемону, придушишь. Не волнуйся, с Ланой мы просто друзья. А моя девушка – Люба, меня с нею Лана и познакомила. Я ее спросил, нет ли у нее какой-нибудь красивой подружки, чтобы была и добрая, и хозяйственная, ну и вообще...

– ...И вообще хороший человек, – с облегчением, смеясь, перебил его Никита.

– Эй, ты меня понял! Когда она познакомила меня с Любой, я тут же влюбился. Я нашел то, что искал! Ты не поверишь, но она девственница!

– Кто, Люба?

«Господи, – подумал Самолетов, – как легко обмануть эти наивные нетронутые российской действительностью американские души!»

– Представляешь, братан, это же феномен какой-то: в девятнадцать лет – и девственница!

– Что же ты теперь с нею делать будешь? – спросил Никита с сочувствием.

– Как «что»? Буду ее первым мужчиной! – Юлик, как всегда, был неподражаем в своей простоте.

– Куда я попал! – в шутку схватился за голову Никита, – а что же мне делать? Надеюсь, Лана не девственница?..

– Этого не знаю, но перед тем, как я с нею познакомился, она перетрахала половину...

Американец не успел договорить, так как дверь купе открылась, и на пороге появилась Лана с подружкой.

– О чем вы тут говорите? – бодро спросила она, снова усаживаясь рядом с Никитой.

– Эй! Как о чем? О том, какие у нас красивые попутчицы, – тут же состроил свою белозубую улыбку Юлик. – Вот Самолетов, например, просто в шоке. Правда, Никита?

– Да уж, – проямлил он, мучаясь оттого, что в присутствии попутчиц сразу теряется и не может взять необходимый при общении с девушками беззаботный тон, чтобы не казаться полным идиотом.

– А я хочу еще выпить, – сообщила Лана.

– Эй! Предлагаю выпить за красоту! – тут же предложил Юлик. – Никита, разливай...

И вечер задорно покатился дальше. Четверо не обремененных заботами молодых людей от души веселились, говоря о тысяче как будто ничего не значащих пустяков, которые на самом деле являлись кодовым языком, состоящим из намеков и тестовых вопросов: «А ты мне нравишься! – Ты мне тоже! – Ну и до чего все это дойдет? – Я не знаю, но, похоже, до того самого, о чем каждый из нас думает! – Здорово! – Еще как!»

Наконец наступил столь поздний (или столь ранний) час, когда неожиданно встал вопрос, которым заканчиваются все подобные вечеринки: кто, где и с кем будет спать?

Самолетов до последнего момента был уверен, что девушки останутся в одном купе, а они с Юликом – в другом. Но, как всегда, инициативу взял на себя американец, заявив, что вообще-то пора спать, и они с Любой уходят. Упускать то, что было у него практически в руках, он не любил. Люба даже не пыталась возражать. Она с таким обожанием смотрела на Юлика, что Никита, поначалу решивший, что она просто глупа и заторможена, понял, что и сам по отношению к Лане находится в таком же положении и, возможно, тоже производит на окружающих впечатление полного кретина.

Юлик с Любой забрали свои вещи, недвусмысленно пожелали им спокойной ночи и удалились. Между Ланой и Никитой повисла напряженная тишина.

– Я хочу еще выпить, – сказала Лана и сама налила себе и Самолетову остатки клюквенного ликера.

Он с благодарностью глотнул рубиновой жидкости, даже не почувствовав вкуса, но легче от этого не стало. Он не знал, ни с чего начать разговор, ни что делать дальше. Неожиданно Лана встала:

– Я хочу курить. Самолетов, вы не составите мне компанию?

– С удовольствием, но с одним условием, – обрадовался нашедшемуся выходу из положения Никита, отодвигая перед девушкой дверь купе.

– С каким? – удивленно посмотрела на него Лана.

– Мы переходим на «ты».

– Договорились, – улыбнулась Лана, вселив в него надежду, что первый лед треснул.

В тамбуре сильно качало, и Никита вынужден был одной рукой крепко держаться за единственный поручень в стене, а другой – придерживать за талию девушку, которой долго не удавалось прикурить из-за толчков вагона. Чересчур мощная лампа неприятно била Самолетову в глаза, и он чувствовал себя психологически незащищенным по отношению к своей попутнице, лицо которой было в тени.

Закурив, она не отстранилась, а наоборот, как-то слишком близко встала к нему, так что при сильных толчках вагона на стыках ее грудь упиралась чуть ниже его груди, и он чувствовал по приятным твердым прикосновениям, что под ее белым свитером больше ничего нет.

– Расскажи мне о себе, – неожиданно попросила Лана, с прищуром рассматривая его лицо сквозь сладковатый сигаретный дымок. – Мы едем в одном купе и еще ничего не знаем друг о друге.

– А мне с первого взгляда показалось, что мы знакомы уже целую вечность.

– И мне! – согласилась она. – Странно, ты намного старше меня, а у меня такое ощущение, что мы великолепно понимаем друг друга.

И в самом деле, по расчетам Самолетова она была моложе его лет на десять, но при этом он совершенно не ощущал разницу в возрасте, что говорило о ее незаурядном уме.

– Похоже, у нас с тобою много общего, – заметил он. –

Вот, например, какой у тебя был любимый предмет в школе?

– Больше всего я любила географию.

– Ха, какое совпадение! А я – географичку...

Она почему-то никак не отреагировала на заготовленную им шутку, и вдруг сделала неожиданное признание:

– Как здорово! Мне тоже в школе нравилась одна учительница. Она была высокая и стройная. Каждый раз, когда она шла мимо меня по коридору, со мною творилось что-то странное.

– Так ты лесбиянка? Ой... прости, ерунду несу, – Никита смутился, ему хотелось казаться веселым и непринужденным, при этом он чувствовал, как плохо это получается.

– Нет, – ответила она, казалось, не замечая пошлости в его словах, – но я люблю красивых высоких женщин.

– Ты сама очень даже ничего!

– Ты смеешься. Я не такая уж и красавица, и совсем невысокая.

– Не согласен! У тебя очень привлекательное лицо, а высота в девушке не главное... главное ж, известно что.

– Что?

– Чтобы человек был хороший. А невысокая – это даже здорово! Ее легче держать на весу... Вот, черт... Кажется, меня опять занесло совершенно не туда. Я, наверное, кажусь тебе полным идиотом?

– Ну, почему же, совсем не полным... идиотом...

В этот момент она красноречиво подняла на него свои большие зеленые глаза. Дальше говорить что-либо было бы просто глупо. Никита, загипнотизированный этим взглядом, используя толчки и вздрагивания мчащегося в ночи поезда, медленно стал склонять свою голову к поднятому навстречу лицу.

Напрасно говорят, что вкус курящей женщины неприятен. Самая первая школьная любовь Никиты, которая была старше его на два класса, курила. И когда она в первый и, кажется, в последний раз сама интимно поцеловала его, он навсегда запомнил бесконечную сладость губ с горьковатым привкусом никотина...

Зайдя в купе и едва успев прикрыть за собою дверь, они встали напротив друг друга, как бы приготовившись к смертельной схватке на выживание, в их взглядах светилась одна и та же мысль. Потом они стали беспорядочно раздеваться, помогая партнеру, словно боясь не успеть до прибытия поезда в Санкт-Петербург.

Естественно, он раздел ее первый и, рассмотрев в свете слабых желтых ламп для чтения, сразу понял, что девушки с таким совершенным телом у него еще не было.

Тонкость кости сочеталась в ней с абсолютно идеальными линиями женских форм. Изящные ножки, абсолютно белые, без единого намека на вены и другие изъяны; тончайшая талия, переходящая смелым изгибом в выпуклую попку, при

взгляде на которую уже нельзя было думать ни о чем другом, кроме как о желании во что бы то ни стало в нее войти. И неподражаемая грудь – именно такая, чтобы не висеть под собственной тяжестью, а с другой стороны, не вызывать сомнений в своей необходимости вообще.

Как оказалось, непреодолимая внешняя сексуальность ее тела не была обманом или пустышкой. Страсть, с которой она отзывалась на каждое его прикосновение, говорила о ее пламенной чувственности. Она спешила насладиться его телом и в тоже время отдать ему себя без остатка, как страстная поклонница плотского наслаждения.

Когда Никита попытался расстегнуть широкий кожаный ремень на своих брюках, Лана отбросила его руку, толкнула на одну из пастелей и, как будто в предвкушении чего-то, сказала, улыбнувшись:

– Подожди, я сама!

Умело расстегнув ремень и молнию на его брюках, она получила в свое распоряжение то, что неожиданно привело ее в дикий восторг, и на что она накинулась с обожанием и страстью нимфоманки.

Очень скоро наступил момент, когда он не смог больше сдерживать себя. Он отбросил ее на противоположную пастель и, окончательно освободившись от брюк, быстро достал из кармана упаковку презервативов.

Она, смеясь, вырвала у него упаковку, достала один, потом что-то про себя решила и откинула все это в угол.

– Не надо, – сказала она, чем привела Никиту в легкое недоумение. Впрочем, сейчас все его мысли были поглощены другим.

Он тут же попытался навалиться на нее всем телом, что было не так-то просто сделать на узких спальнях местах, но она опять взяла инициативу на себя.

– Лучше так, – хриплым голосом произнесла она и, упершись руками в стену, встала к нему спиной.

Проникновение в девушку в первый раз – это путешествие в неизведанное. Тела только начинают знакомиться друг с другом. Еще не знаешь ни ее темперамента, ни ее сексуальных возможностей, ни даст ли она тебе вообще. Хотя нет: последнее уже знаешь.

Он никак не ожидал от этого юного создания такой чувственности и телесной податливости. С одной стороны, она была неопытна, как девочка, но при этом вела себя так уверенно и даже развратно, как будто хотела поразить его своей искусственностью.

Ему стоило огромного труда сдержаться, чтобы тут же не разразиться в эти прекрасные девственно-гладкие и очень выразительные ягодички. В какой-то момент он остановил движения, чтобы слегка охладить пыл, но она требовала его в себя снова и снова. Он поднимал глаза кверху, вспоминая все точные науки, которые он когда-либо изучал, чтобы хоть на мгновение отвлечься, но ее сдавленный накатывающий волнами крик возбуждал его все больше и больше.

Он насчитал в ней три сильнейших спазматических удара, перед каждым из которых она сдавленно шептала: «Сейчас, сейчас, ну еще немножко... Я кончаю-ю...» – пока, наконец, не решил покончить с бьющимся в нем самом неудержимым восторгом.

Теперь надо было поймать момент, чтобы на мгновение опередить фонтан живительной влаги. Он никогда не жаловался на реакцию, которая при сексе без предохранения должна быть безукоризненной, что женщины особенно ценят. Но когда по окаменению мышц в его теле и его сдавленному неконтролируемому стону Лана поняла, что сейчас все будет кончено, она вдруг в порыве страсти горячо зашептала: «В меня! Кончи в меня!»

Ее, возможно, безотчетное желание на мгновение смутило его: либо она предохраняется сама, либо хочет от него залететь, либо страсть ее настолько сильна, что ей уже все равно, что будет с нею – лишь бы это произошло.

Но спрашивать об этом сейчас было совершенно невозможно, и он принял единственно правильное решение.

Почувствовав стремительно поднимающуюся волну, он отпустил ее бедра, жестко взял ее за волосы и наклонил ее лицо вниз, к себе. Это неожиданно привело Лану в бурный восторг, который закончился четвертым взрывом в ее теле, когда белая терпкая роса ударила ей в лицо, в закрытые глаза, в полуоткрытый рот и дальше на шею и грудь...

Они лежали в темноте на узкой полке купе. Она забралась на него сверху почти целиком, но ему не было тяжело. Поезд стоял на какой-то промежуточной станции, и в освещенном синими фонарями перрона полутемном купе было непривычно тихо. За окном ходили, переговариваясь, какие-то люди, вдалеке слышались гудки маневровых поездов и усиленный громкоговорителем голос диспетчера.

Они разговаривали вполголоса, просто и спокойно, как старые любовники.

– Когда я прочла твою книгу, – рассказывала Лана, – я подумала, как здорово было бы трахнуть автора.

– Ты шутишь... – улыбнулся во мраке Никита.

– Тебя это удивляет?

– Да нет, просто как-то странно. Впрочем, это даже здорово: хоть какая-то польза от этих книжек.

Лана тихо засмеялась, прижалась к нему и нежно поцеловала его в подбородок.

– Интересно, – задал Никита вопрос в темноте, – чем сейчас за стеной занимаются Юлик с Любой?

– Наверное, он лишает ее девственности, – с несвойственной для женщин прямоотой предположила Лана.

– А ты большая шутница! – рассмеялся он.

– Мне ли не знать! Это моя лучшая подруга.

Да, с этими девочками не соскучишься, подумал Никита. Впрочем, на профессионалок они и в самом деле мало похожи. Скорее всего, девочкам из провинции захотелось впе-

чатлений. А где их еще столько наберешься, как не из общения с разными мужчинами.

– Да, бедный Юлик. Не позавидуешь ему сейчас, – почувствовал американцу Никита.

– А ты лишал кого-нибудь девственности? – неожиданно спросила Лана.

– Гм... Тебе это так интересно?

– Конечно! Я даже не представляю, что должен испытывать мужчина при этом. Наверное, большую любовь?

– Вообще-то кроме большого неудобства и чувства испорченной ночи он ничего не испытывает.

– Расскажи, как это было, – с горячим интересом попросила она. – Наверное, ее долго пришлось уговаривать?

– Не очень, – Никита слегка замялся, чтобы точнее сформулировать мысль. – Выяснилось, что девушки ничего так не боятся в жизни, как лишиться девственности, и ни о чем другом так не мечтают. И если ей попадается хороший парень, она ни секунды не задумается.

– Хороший – это какой?

– Тот, который делает это мягко и ласково, чтобы не привить девушке отвращение к самому процессу.

– А Юлик, по-твоему, хороший парень?

– По крайней мере, он ничего не испортит. Впрочем, завтра увидим, как будет чувствовать себя Люба. Кстати, а как лишилась девственности ты сама?

– Ничего интересного. Я потеряла девственность, встав-

ляя первый раз тампон. Мне было больно, но я его все-таки вставила...

Никита засмеялся, в темноте прижимая к груди забавно мыслящую девушку. Он обожал эти как будто беспредметные разговоры, когда тело расслаблено после хорошего секса, а мысли легки и непринужденно остроумны.

– А что испытывает мужчина, – спросила она, – когда лишается девственности?

– Так не говорят. Вернее, говорят, но это звучит как бред. Получается, что мы чего-то лишаемся. Может быть, применительно к голубым так можно сказать. Но по отношению к нормальным мужчинам это звучит как издевательство.

– А как говорят?

– Э-э-э... лишаются невинности. Хотя тоже спорный вопрос, есть ли в этом какая-то вина.

– Все равно, расскажи мне про свою первую женщину.

– Да чего рассказывать. – Никита не мог без циничной улыбки вспомнить эту историю. – Все было неромантично и глупо. Нас было четверо недорослей на одну проститутку. У троих, в том числе и у меня, ничего не получилось.

– Ты, наверное, сильно страдал? – сочувственно спросила Лана.

– Если бы! Как дурак, целую неделю ходил в школу гордый, циничным взглядом завязтого Дон-Жуана разглядывая наших девочек. Я тогда думал, что вот это и есть секс, хотя у нее там было сухо, как наждачная бумага.

– А сейчас ты стал опытным? Впрочем, чего я спрашиваю.

Видно, что да.

– Что, так прямо и видно?

– Еще по твоему взгляду, когда ты посмотрел на меня на перроне.

– Взгляд как взгляд.

– Тебе никто не говорил, что у тебя очень сексуальный взгляд? Я даже почувствовала, как у меня намокают трусики, когда ты меня своим взглядом раздел, а потом снова одел.

Ее слова польстили Никите, хотя он никогда не замечал за собой чего-то особенно сексуального. Конечно, он не урод: ноги не кривые, тело плотное, средней волосатости. Женщины часто говорили, что им нравится с ним спать: они утверждали, что он пушистый и уютный.

– И в сексе с тобой есть что-то непреодолимо привлекательное, – продолжала делиться впечатлениями Лана. – Вот интересно, сколько раз, самое большее, ты кончал за ночь?

– Ну, не знаю, – задумался Никита, – мой личный рекорд в сексе – одиннадцать раз за ночь.

– А разве такое возможно?

– Мне что, свидетельниц приглашать? – засмеялся Никита.

– Не надо. Боюсь, их будет слишком много.

– Не так много, как тебе кажется.

– Надеюсь... Кстати, а сколько любовниц у тебя сейчас?

Кроме меня, естественно.

– Ты не поверишь, но нет ни одной, – засмеялся Никита.

– Не поверю, – подтвердила она. – Хорошо, поставим вопрос по-другому: сколько любовниц одновременно у тебя когда-нибудь было?

– Это надо подумать... Вообще, я считаю, три женщины – это предел, как постоянные любовницы.

– Почему три? – удивилась Лана.

– Потому что на большее не хватит ни физических, ни душевных сил. Со всеми же еще поговорить надо.

– Вот как со мною? – подозрительно спросила Лана.

– Нет. Как с тобою бывает очень редко. Ты какая-то простая и понятная, и от этого очень привлекательна.

– Спасибо, так меня еще никто не оскорблял! – воскликнула она и в шутку ткнула Никиту острым кулачком под ребро.

Он прижал к себе ее невесомое тело и почувствовал, как первый червячок желания после недавнего безумия снова шевельнулся у него внизу. Но она отвлекла его от этой игривой мысли новым вопросом:

– А какие женщины тебе нравятся? Например, брюнетки или блондинки?

– Если есть выбор, то брюнетки, а если нет – то пофигу.

– Но я же блондинка!

– А я тебя не выбирал. Нас Юлик познакомил, за что я ему буду благодарен по гроб жизни.

– Увидим... А правду говорят, что мужчинам нравится

какой-то один тип женщин?

– Конечно. В каждый момент времени любому мужчине нравится конкретный тип женщины. Вот, допустим, сейчас мне безумно нравишься ты...

Никита погладил Лану по гладкой спине и сделал движение рукой дальше вниз.

– Подожди, подожди, – остановила его руку Лана, – давай еще поговорим. Мне так нравится с тобой разговаривать!

– Может, потом пообщаемся? У нас еще будет куча времени для этого.

Никита нежно взял ее за попу и сделал своими бедрами движение навстречу. Лана глубоко выдохнула, и разжала ноги.

– Давай еще последний вопрос, – произнесла она, прерывисто дыша.

– Ну, хорошо, – сдался Никита в предвкушении того, что последует за ним.

– А по национальности кто тебе больше нравится?

Какой только компот из мыслей творится у этих женщин в голове! При чем здесь национальность? И он отшутился:

– Для меня женщина вообще национальности не имеет – только пол.

– Ну а все же, кого бы ты выбрал в жены?

– Ну не знаю... Либо еврейку, либо хохлушку, либо татарочку.

– Почему?

– Потому что из них получаются прекрасные жены.

– Жаль, что я не попадаю ни под одну из этих категорий...

Они не замечали, что поезд давно уже стучал колесами, раскачиваясь от скорости. Остаток ночи они провели в поисках точек соприкосновения не только в горизонтальном, но и в вертикальном положении, переливая друг в друга мысли и тела. Лишь под утро он забылся коротким и тревожным сном, она так и не уснула.

Питер

Ну что такого необычного в женщинах, что нас так к ним тянет? Ведь уже изучен каждый уголок на их теле и понято устройство головы. Видимо, мужчин всегда будет привлекать это необычное чувство, когда преодолеваешь барьер между двумя незнакомыми людьми, и женщина из чужого человека превращается в близкое и поддающееся тебе существо.

В Петербурге четверо молодых людей поселились в большой двухкомнатной квартире на Московском проспекте в доме с колоннами. Квартира принадлежала родителям Юлика, до того, как они покинули страну, и теперь перешла по наследству к внезапно полюбившему родину сыну. Знали бы они, что их сын изучает географию родины из общения с проститутками на Тверской: Иваново, Владимир, Смоленск и теперь Питер.

Квартира, давно покинутая обитателями, каким-то чудом сохранила жилое тепло, не смотря на некоторое ощущение затхлости: рассохшийся скрипучий паркет, покрытые пятнами обои, кровати с матрасами без белья, пустые гардеробы с упавшими плечиками.

В одной из комнат даже стояло старенькое черное пианино. Увидев его, Лана, не раздеваясь, открыла крышку и вдруг заиграла довольно чисто мелодию песни: «Позови меня в со-

бой, я пройду сквозь дни и ночи...»

– Здорово! – немного ошарашенно воскликнул Самолетов. – Долго учила?

– Я играла на слух, – немного обиженно ответила Лана. – Эту мелодию я слышала первый раз по радио в поезде.

– Да, ладно, – не поверил Никита. – А Мурку можешь?

– Какую Мурку?

– Ну это: «Гоп-стоп! Мы подошли из-за угла...»

– А-а, пожалуйста, – и без остановки и запинки Лана лихо заиграла блатную песню.

В течении последующей четверти часа Никита называл любую песню, которая приходила ему в голову, и Лана безошибочно ее играла.

Юлик и Люба, забравшись с ногами на старенький диван, давно уже откупорили и, посмеиваясь, пили шампанское, несколько бутылок которого они купили по дороге, а Никита, все никак не мог прийти в себя из-за этой странной девушки, которую он поначалу принял за обыкновенную жрицу любви.

Скоро американец и его новая пассия скрылись во второй комнате-спальне, а Никита оседлав венский стул подле музыкального инструмента, издававшего дребезжащие звуки, зачарованно следил за пианисткой.

– Послушай, – наконец спросил он, – в поезде я не поверил ни слову про ваш университет. Мне все же интересно, чем ты занимаешься?

Лана прекратила играть, прислушалась к равномерному, словно метроном, скрипу кровати из соседней комнаты, и сказала:

– Женщине неприлично задавать два вопроса: сколько ей лет и чем зарабатывает на жизнь!

– Ну, а все же? – не отставал Самолетов.

– Вообще-то я работаю ночью проституткой... – она тожно заиграла белоэмигрантский романс «Ведь я институтка, я фея из бара....».

Никита сразу понял, что она врет, но все же решил ей подыграть.

– То-то я смотрю, лицо у тебя знакомое.

– Шутка! – Лана захлопнула крышку пианино, – Мне Юлик все рассказал про ваши похождения.

Было ясно, что она имеет в виду их вояж по ночной Москве.

– Всем хорош этот парень, – с досадой буркнул Никита, – если бы не его язык. Все расскажет. Прямо находка для шпиона.

– Да, – усмехнулась она, – он хоть рассказывает только своим друзьям, а ты через свои рассказы – всему миру.

– Дались тебе мои рассказы, – раздраженно воскликнул Никита, чувствуя, как ему неприятно упоминание о его неудачной попытке стать писателем, – Только не говори, что они тебе понравились.

– Очень! В них столько юмора и эротики.

– Ты серьезно...

– Как никогда, – похоже, она была искренна, – Скажи, а много там автобиографичного?

– Почти ничего, – слегка кокетничая, ответил Никита, он всегда говорил это, когда ему задавали подобные вопросы, – это чистое творчество!

– Творчество? Хм. – усмехнулась она, и неожиданно выдала свое критическое заключение, – Разврат это, а не творчество!

– Нет, это творчество, – не сдавался Никита.

– Нет, это разврат! Низкий и грязный.

– А я говорю, это высокое творчество!

– Низкий и грязный!

– А я говорю, высокое и чистое!..

У них чуть не дошло до шутовой драки. Когда они успокоились, она вдруг серьезно сказала:

– Странно, а в тебе такое сочетание совершенно несовместимых вещей. Вчера в поезде, пока ты спал, я сидела и читала твою книгу. Смотрела на тебя и думала – неужели вон тот храпящий голый человек написал все это? Это никак не могло совместиться у меня в голове. Скажи, почему ты начал писать?

– Не знаю, – поморщился Никита, этот разговор все же определенно был ему неприятен, – наверное, человек начинает сочинять, когда его не удовлетворяет окружающая действительность.

– Ты не удовлетворен?

– Нет, если подо мною не лежит женщина.

– Почему ты все время отгораживаешься от людей своей иронией, – тут же спросила она, нахмурившись. – Я никак не могу достучаться до твоего чувства.

– Не знаю, – пожал плечами Самолетов, – наверное, из-за привычки отгораживаться от всех. Я так по-дурацки устроен, что всегда чувствую угрозу со стороны людей, и поэтому должен защищаться.

– Значит, я для тебя одна из всех? От меня ты тоже чувствуешь угрозу?

– Если откровенно, то да.

– Какую же угрозу? Я никогда не причиню тебе вреда, солнышко...

Она употребила эпитет «солнышко», как будто у нее не было человека роднее Никиты. Это было как-то неожиданно, ведь он даже ничего о ней не знал. А хотелось узнать очень много.

– Расскажи мне о себе, – попросил он, – Например, кто твои родители?

– Моя мама русская, а папа... – она задумалась подбирая выражение, – а папа шахматист.

– Да-а, перед глазами сразу встает полная картина твоей семьи, – усмехнулся Никита.

– И что же ты видишь?

– Ну, я представляю себе твою маму, которая воспитыва-

ет в одиночестве дочь. Твоего папу, человека неплохого, но который витает в облаках. Он с головой ушел в свое увлечение так, что даже забывает о семье. Не исключено, что при этом он любит выпить.

– Откуда ты все знаешь? Ты так образно все описал, как настоящий писатель!

– Скажу тебе по секрету, я не писатель.

– Скажу тебе по секрету, я это знаю. Ты просто очень хороший человек.

– Ты тоже... очень хорошая.

– Какой комплимент!

– Нет, правда, в тебе видна какая-то мудрость не по годам.

Это, видимо, что-то у тебя на уровне инстинктов. И это не зависит от возраста. Это может быть у женщины и в пять, и в пятьдесят лет. Или может не быть никогда.

– Ты мне тоже понравился.

– Чем именно?

– Мне нравится... как ты кончаешь.

– А мне, как это делаешь ты...

Надо ли было еще что-то говорить? Венский стул громыхая покатился к стене. Он взял ее за волосы сзади и, запрокинув голову назад, впился в шею долгим оставляющим след поцелуем, она вслепую принялась лихорадочно расстегивать ремень его брюк; еще быстрее она освободила от одежд, включая трусики, свои бедра. Не дав ей снять свитер, он усадил ее на крышку пианино и, широко разведя ее ноги за ко-

лени, вошел в лоно, обрамленное светлыми вьющимися волосиками.

Пианино заскрипело, задавая такт, «престо-престо». За секунду до наступления обоюдного оргазма он вдруг остановился:

– Постой, давай попробуем так, – он приподнял ее за попу, и, придерживая одной рукой, поднял крышку пианино.

Теперь каждое их движение рождало беспорядочную мощную какофонию звуков, гремящих из готового развалиться под ними инструмента. Такое сопровождение, похоже, окончательно свело ее с ума. Она завывала и, запустив руки под его майку, впиалась длинными ногтями в спину. Но он не чувствовал боли, и не думал о кровавых следах, которые уликами останутся надолго. Он внезапно обнаружил, что створка старинного платяного шкафа с большим зеркалом волшебным образом приоткрылась настолько, что он мог видеть в полный рост их слившиеся в зверином совокуплении тела. Он со странным отчуждением взирал на происходящее, пока его глаза не перестали что-либо видеть. Его сознание полностью отдалось ощущению, как их соединенная плоть пульсирует в безумстве любви, не заботясь, что в это мгновение они, возможно, порождают новое существо.

Когда биение их тел стихло, и она обессилено уронила ему голову на плечо, он услышал приглушенный шепот:

– Господи, господи, ну почему мне все время попадаются женатые мужчины? Ну почему?

Он не успел ей что-либо сказать в ответ, как дверь в соседнюю комнату осторожно приоткрылась и оттуда показалась голова Юлика.

– Эй, с вами все в порядке? – немного испуганно спросил он.

– Да-да, мы того, мы о'кей... – уверил его Самолетов, быстро поправляя одежду и прикрывая собою полураздетую Лану.

– А что это было?

– Что ты имеешь в виду? – переспросил его Никита.

– Ну вот это? – кивнул на пианино Юлик.

– Вот это? – Самолетов на секунду задумался. – Секунду, сейчас спрошу... Лана, а что это было?

Та отняла голову от его плеча и, ошарашенно оглядываясь вокруг слипшимися от слез и утомления глазами, ответила:

– Я не помню... кажется, что-то из Шнитке.

– Да, точно, – подхватил ее предположение Никита, – это Шнитке, тринадцатая симфония ля-ля-бемоль...

– Я так и понял, – показал в улыбке все свои отбеленные американским дантистами зубы Юлик. – Вы закончили музицировать?

– Ага, – в свой черед развеселился Никита.

– Мы тоже. Есть предложение: не хотите ли прошвырнуться по городу?

– Лана, ты как? – спросил уже вполне пришедшую в себя девушку Никита.

– Я просто схожу с ума... – ответила та, с обожанием глядя на своего партнера, – от того, как хочу выпить шампанского и пройтись по Питеру.

Прогулка по Невскому проспекту четверых ничем не озабоченных, кроме друг друга, молодых людей несет много радостей. Все вокруг: от пейзажа до местных жителей – кажется занятым, любой непривычный пустяк восхищает, любое событие веселит до неприличия.

А северная столица в этом смысле – незаменимое место, слишком уж отличается она от всех русских городов, восхищая своим пусть и сильно облупившимся, но все же европейским видом. Радует глаз парадностью и «партикулярностью» улиц, даже пусть и слегка грязноватых. Что уж говорить о подворотнях и переулках, больше напоминающих фантазмагорию из запутанного сна, попав в который никак не можешь найти выход из пугающего лабиринта зданий.

Они начали прогулку от Московского вокзала, куда доехали на метро. Дойдя до Казанского собора, не преминули заглянуть внутрь, впрочем, большей частью, чтобы погреться – уж очень колюч ветер с Финского залива в это время года. Никита обратил внимание спутников на ямки в каменном полу собора, и со знанием дела объяснил это явление устройством пола. «Дело в том, – авторитетно заявил он, – что пол сложен из двух видов камня: черного и белого. Видимо, твердость у них разная, отчего белый камень стирает-

ся сильнее под воздействием ног многочисленных посетителей».

Лана внимала его словам с восхищением ученицы перед мудрым учителем. В Исаакиевском соборе он с важностью человека, закончившего физический факультет, рассказал о маятнике Фуко, подвешенном к потолку: почему смещение плоскости его качания объясняется вращением Земли и одновременно является его доказательством. Лана качала головой за маятником и с удивлением восклицала: «Ну, надо же!».

Выйдя из собора, Самолетов указал на другую сторону площади и с небрежностью всезнающего экскурсовода пояснил:

– А вот там расположена гостиница «Англетер», именно в ней Сергей Есенин покончил жизнь самоубийством, по крайней мере, по официальной версии...

И здесь Лана как ни в чем не бывало продекларировала: «Шел господь пытаться людей в любви,

Выходил он нищим на кулижку.

Старый дед на пне сухом, в дуброве,

Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,

На тропинке, с клюшкою железной,

И подумал: «Вишь, какой убогой, —

Знать, от голода качается, болезный».

Подошел господь, скрывая скорбь и муку:

Видно, мол, сердца их не разбудишь...

И сказал старик, протягивая руку:

«На, пожуй... маленько крепче будешь».

Здесь уже Самолетов открыл рот от удивления. С этими девушками и правда было что-то не так. Надо наконец выпытать у Юлика, откуда он их взял. Слишком уж не были похожи они на провинциалок легкого поведения, склонных к авантюрам с незнакомыми мужчинами.

Но больше всего Лана поразила его, когда они вышли на Дворцовую площадь. Она остановилась и, открыв рот, минут пятнадцать смотрела на всю окружающую красоту, находясь в самом настоящем шоке. У нее даже выступили слезы на глазах – она и в самом деле была искренне восхищена.

Когда ближе к ночи они вернулись с прогулки, Люба

неожиданно почувствовала себя плохо. Она заперлась в спальне и не пускала к себе никого, даже Лану.

– Так, американец, – сдвинув бровки, стала наступать та на Юлика, – признавайся, что ты сделал с моей подругой?

– Ничего я не делал, – строя невинное лицо, отвечал тот, на всякий случай прячась за Никиту.

– Ну да – ничего! Я выдала тебе невинную девочку, – грозно воскликнула Лана, – а теперь она лежит и не может руки поднять.

– Эй! Так регулы, наверное, у нее, – объяснил Юлик. – Обычное дело.

– Что? Какие еще регулы.

– Месячные, по-русски.

– Ты уверен?

– Нет.

– Ладно, пойду сама спрошу.

Лана постучала в дверь и на слабый крик Любы, посылающий всех подальше, она решительно открыла спальню и шагнула внутрь.

Полчаса спустя она тихо вышла, прикрыла дверь, и, сделав знак приятелям следовать за собой, сказала:

– Спит. Пойдемте на кухню.

На кухне они налили себе вина с пузырьками, которое, как известно, вызывает блуд, и приготовились слушать парламентаря.

– Так, Юлик, тебе бы надо сделать хороший втык, – сразу

же вынесла свой приговор американцу Лана.

– За что? – громко начал тот, но тут же, оглянувшись на закрытую спальню, сбавил тон, – Все было замечательно. Я был мягок, как никогда. Она должна быть мне благодарна, что это я лишил ее девственности, а не какой-нибудь мужлан. Я понятия не имею, почему у нее до сих пор идет кровь.

– Ну, кто кому должен быть благодарен – это еще вопрос, – шепотом возразила Лана. – Твое счастье, что мы с ней все выяснили. Она девочка неопытная и думала, что кровь у нее от твоего вмешательства. Но потом мы все посчитали, просто у нее от стресса месячные раньше времени начались...

– Пойдите, пойдите, – с изумлением глядя на американца и Лану, зашептал Никита, – вы что, и правда хотите сказать, что она девочка?

– Была, до вчерашнего дня, – со фальшивой печалью подтвердила Лана.

– Братан, можешь мне поверить, – заверил его Юлик. – Предлагаю за это поднять тост.

– Точно, такое событие, – горячо поддержала его Лана. Пригубив, она продолжила. – Волноваться абсолютно не о чем. Месячные у Любки всегда очень тяжело идут, дней десять, только успевай прокладки менять. Не то что у меня: три дня – мало, но со вкусом.

– Ну и что теперь будем делать? – все еще ошарашено спросил Самолетов, у которого все окончательно смешалось в голове, и он только ждал, когда сможет остаться наедине с

Юликом, чтобы задать ему пару вопросов.

– А что будем делать, будем ложиться спать! – сказала Лана и встала, чтобы идти стелить постель в свободной комнате.

– Втроем в одной постели? – весело поинтересовался Юлик.

– А что делать, ее лучше не беспокоить, – кивнула девушка в сторону спальни.

– Я согласен, – тут же обрадовался американец.

– Я в этом не сомневалась... Где у тебя белье?

Юлик достал из гардероба пожелтевшие простыни, и услужливо помог Лане их расстелить.

– Похоже, у этой простыни я буду не первый мужчина, – скептически произнес Самолетов, оглядывая готовую постель.

– Так, мальчики, вы ложитесь, а я приму душ...

Никита видел, как засветились глаза Юлика при этих словах. Он ощутил всем своим существом, как ему не хочется, чтобы надежды американца, о которых нетрудно было догадаться, оправдались. При этом он понимал, что не может и противиться этому. А вдруг Лана будет согласна? По сути он не имеет на нее никаких прав. И потом, этих двух девчонок привел американец, а Никита получается каким-то нахлебником, который и палец о палец не ударил, чтобы организовать эту поездку. Он морально обязан Юлику, и не сможет сопротивляться любому развитию событий этой ночью.

Никита лег первым. Юлик покопался в своей сумке, что-то разыскивая, и, сверкая звездно-полосатыми трусами, нырнул под одеяло вторым.

Четверть часа спустя из ванной, обернутая в большое махровое полотенце, появилась Лана. Загадочно улыбаясь, она погасила в комнате свет, и приблизилась к двум притихшим на кровати мужчинам.

– А мы уж заждались! – развязно воскликнул Юлик и откинул одеяло, приглашая Лану лечь рядом.

Лана, увидев его трусы, скептически хмыкнула:

– Странные вы люди, американцы, вы можете стоять и рыдать, когда поднимают американский флаг, и в то же время носить трусы, сшитые из той же материи.

– Наоборот, это очень патриотично. – довольно улыбаясь, заверил ее Юлик, – Накрывать самое дорогое, что есть у мужчины, национальным флагом.

– Ну да, обычно флагом еще накрывают гробы.

– Эй, только без намеков! У меня там все очень живое. Хочешь попробовать?

– Еще чего! Никита, подвинься, – и Лана ловко, перепрыгнув через американца, нырнула под одеяло рядом с молчаливо наблюдающим за происходящим Самолетовым.

– Ты не волнуйся, у меня и презервативы с собою есть, – Юлик, как фокусник, вытащил и предъявил в полутьме упаковку из двенадцати презервативов. Вот что, оказывается, он доставал из своей сумки.

– О-о-о,— уважительно протянула девушка, – Так много! Вот это самомнение. Зачем они тебе?

– Ну так, на всякий случай, – слегка обиженно ответил он. – Нас же двое, как никак.

– Еще чего! – Лана удобно устроилась между двумя мужчинами и, томно глядя вверх, мечтательно заявила, – Двое – это слишком много. Натирать будет.

– А мы, чтобы в одном месте не натирало, будем делать это в трех возможных у женщины вариантах, – с энтузиазмом предложил Юлик. – Ты согласна?

– Нет! Я согласна только на два.

– Ну хорошо, – прикинув что-то в голове, продолжал наступать американец, – верх исключаем...

После чего он просунул руку под одеялом и стал деловито расстегивать лифчик у опешившей от такой стремительности девушки. Она не стала сопротивляться, она лишь вопросительно посмотрела на реакцию Никиты. Но тот, словно загипнотизированный, смотрел, как Юлик без стеснения снимает с Ланы верхнюю часть туалета и также не спеша начинает подбираться к нижней. Чтобы ему было удобнее, Юлик откинул одеяло, и, стягивая с Ланы трусики, посмотрел на своего приятеля, мол, ну чего же ты, давай помогай. Но Самолетов никак не отреагировал и на этот призыв, он был как будто в параличе, не зная, что делать. И здесь произошло неожиданное. Как только Юлик потянулся к своему звездно-полосатому флагу, чтобы разоблачиться, Лана уперлась

спиной в Никиту, а двумя ногами резко сбросила рыхлого американца на пол.

– Ты что! – крикнул тот, вскакивая на ноги.

– Не шуми! – немного запыхавшись ответила взбунтовавшаяся девушка, – Забыл про Любу? Или ты хочешь ее разбудить?

– А что такого! Мы могли бы весело провести время.

– Только не со мной, – твердо заявила Лана. – Бери одно одеяло, подушку и марш спать на кухню.

– Ты уверена? —потирая ушибленную задницу, хмуро спросил американец.

– Уверена, уверена! Ты что, еще не понял, я не проститутка, и не собираюсь спать с вами двоими!

– А никто так и не считал. – Юлик почти виновато посмотрел на Самолетова, который едва сдерживался от смеха. – Я же пошутил.

Кажется, шутка и в самом дела оказалась удачной, потому как Самолетова наконец по серьезному разобрало, и он, накрывшись одеялом с головой, принялся дико ржать... но это продолжалось недолго. Лана откинула одело с его головы и грозно приказала:

– А ты чего тут веселишься? Ну-ка, взял руки в ноги и тоже спать на кухню!

– Ха-ха! И я тоже? – Самолетова скрутил новый спазм смеха.

– Тоже, тоже! – и Лана, не смотря на свою хрупкость, вы-

пихнула его из постели.

– Шутники хреновы, а ну марш, и чтобы до утра я вас не видела!

– Как же мы на полу будем спать, там холодно, – переминаясь с ноги на ногу на холодном паркете, жалостливо спросил Никита.

– Хорошо, – смилостивилась девушка, – можете расположиться в ванной, там тепло.

– Лана! – умоляюще воскликнул Самолетов, глядя на демонстративно одевающую, словно пояс верности, нижнее белье девушку.

– Идите, идите! Если в вас осталась хоть капля совести...

Против такого аргумента молодым людям возразить было нечего.

Прихватив пару шуб, которые Юлик достал из встроенного шкафа в коридоре, они кое-как устроились в еще не высохшей ванне, и раздосадованно уставились в полутьме друг на друга:

– Так, а теперь ты все расскажешь, – требовательно заявил Самолетов, – кто такая Лана и откуда ты ее знаешь?

– А ты думал, она блядь?

– Если честно – да.

– Ладно, братан, слушай, – у Юлика загорелись глаза, как у болтливового человека, которому нетерпится поведать всему миру презанятную историю, – на самом деле я познакомился с нею еще в Америке.

– Что же ты сразу не сказал! – недовольно перебил его Никита.

– А что это меняет, братан? Это фантастическая история! Представляешь, в один прекрасный день мы с моим другом Кевином попадаем в Оушен-Сити и вечером идем в местный клуб. И оу! Что же мы видим? Посередине клуба танцуют две стройные девушки. Мы не понимаем, что происходит; видим только, что к ним подойти практически невозможно, так как вокруг толпа глупых тинейджеров, которые каждые пять секунд пытаются с ними познакомиться, и мы быстро понимаем, что нам ловить здесь просто нечего. Мы тусуемся в клубе до четырех утра и тут, когда клуб закрывается, мы совершенно случайно выходим вместе с этими девушками на улицу, и что же мы слышим? Вообрази, они говорят по-русски!

Мы с Кевином используем наш единственный шанс, быстро с ними знакомимся – одну зовут Лана, другую Алина – отвозим на «Би-Эм-Дабл-Ю-кабриолет» до их отеля и даем им свой телефон.

Дальше все происходит, как в захватывающем боевике. Через два дня в три часа ночи на квартире Кевина раздается звонок. Это звонит Алина и сообщает, что они в тюрьме.

– В тюрьме?

– Да. Девушки просто набрали в супермаркете одежды и решили уйти, почему-то забыв заплатить за нее. Естественно, датчики на выходе сработали на неразмагниченные цен-

ники, о чем в Америке знают даже дети, и их тут же задержала секьюрити магазина.

– Невероятно! Они что, совсем были дуры?

– Нам тоже пришла в голову такая мысль. Мы быстро садимся в машину, едем три часа из Вашингтона до Оушен-Сити и лихо тормозим у полицейского участка. В полиции ничего не могут понять: вчера они арестовали двух девушек, которые пытались вынести из гипермаркета одежды на двести долларов, а сегодня двое молодых людей на черном «Би-Эм-Дабл-Ю» готовы уже дать за них залог в пять тысяч.

Пока мы ждали их освобождения, я читал на стене полицейского участка грозное предупреждение о том, что в полиции запрещается появляться в вызывающем виде: в коротких юбках и вообще полураздетыми. И тут выводят наших голопузых красавиц в юбках, едва достающих до низа попы. Короче, полицейские ничего не понимают, мы быстро сажаем пленниц в дорогой кабриолет и увозим в Вашингтон Ди-Си на квартиру Кевина.

– Любопытно, и что потом?

– Две оставшиеся недели до их отъезда я ходил, как сомнамбула. Мы едва спали часа по три в сутки. Остальное время это были сплошные ночные клубы, вино, ну и, сам понимаешь, что.

– И с кем ты был? – шевельнулся червячок ревности в груди Самолетова.

– Я был с другой девушкой, Алиной. А Кевин был с Ланой.

– Ну и отлично, давай спать! – с облегчением произнес Самолетов, сильно утомленный событиями сегодняшнего дня, и уже спокойно, насколько это позволяла жесткая ванная и пухлые ноги Юлика, быстро уснул под его размеренную болтовню.

Музей

После поездки в Петербург прошел месяц. Несколько раз он звонил в Воронск, но не заставал ее дома. Как это бывает, память о Лане начала потихоньку стираться, оставаясь в душе только как воспоминание о восхитительном любовном приключении, которое нам дарит порой судьба, но не более того. Однако судьба, похоже, на этом останавливаться не собиралась. В один из декабрьских дней она сама позвонила ему на работу и сообщила, что сидит у Юлика на Покровском бульваре, и в общем-то сегодня ничем не занята, а поэтому будет рада, если он составит ей компанию на прогулке, которую она собирается совершить по Москве.

На секунды не сомневаясь, Самолетов бросил все дела, отпросился под каким-то диким предлогом у своего начальника, и ринулся на встречу с этой необычной девушкой.

– Хочешь посидим в каком-нибудь ресторанчике? – спросил он ее, когда они встретились на бульваре рядом с домом, где Юлик снимал квартиру.

– Нет, не хочу, – отказалась она, и тут же сделала встречное предложение. – Давай просто гулять по Москве...

Никита в айне поблагодарил ее за то, что она не пошла в ресторан, его нынешнее финансовое положение было далеко от блестящего, и он сэкономил почти на всем. Возможно, именно из своего прагматизма большинство мужчин подсо-

значительно больше склоняется к девушкам, которые предпочитают ресторану общение на свежем воздухе.

– Я бы пешком прошла весь город! – с восторгом призналась она. – Ты живешь здесь и не знаешь, какой ты счастливый.

Это замечание было несправедливо, Никита любил свой город: эклектичный, бестолковый, суетливый, высокомерный, хамоватый, и еще тысяча эпитетов, последним из которых, пожалуй, будет, эгоцентричный, причем абсолютно.

Он чувствовал, что людям, которые родились и выросли в другом месте, здесь не всегда было комфортно, возможно, из-за холодности, которая идет не от географического положения, а от невозможности жителями отдавать свое тепло при таком количестве желающих его получить, самим не хватит. Но Никита не чувствовал дискомфорта, как не чувствовал недостаток света долгой московской зимой, ведь он родился здесь, и другой зимы не знал.

Тем не менее, будучи мало приспособленным для счастливой расслабленной жизни, этот город притягивал, как магнит, активных людей из глубинки. Не была исключением и Лана, которую манили огни большого города, кружащие в водовороте событий.

От дома Юлика, где она оставила свои вещи, они совершили небольшое путешествие по бульварному кольцу, начав с Покровских ворот. Дальше Чистые пруды, в аллеях которого он показал свою любимую лавочку, ничем не примет-

ный Петровский бульвар. На Страстном она задумчиво остановилась напротив памятника Высоцкому и вдруг сказала:

– Посмотри, его как будто распяли на кресте. Гитара – это его крест. Я ему завидую. Как это замечательно, когда есть дело, которым ты живешь, и тебе больше ничего не надо. И неважно, где ты находишься и с кем. Зачем какие-то деньги, какая-то роскошь! Я бы умерла, чтобы иметь такое дело.

Дальше через Пушкинскую площадь, где они перекусили печеным картофелем с начинкой, по Тверскому бульвару мимо любимого ею Есенина и затесавшемуся к поэтам Тимирязеву. Здесь они сделали, как и положено, санитарную остановку у подземного туалета.

В начале Гоголевского бульвара Никита, в свою очередь, остановился напротив памятника длинноволосому носачу, который стоял с чрезмерно жизнерадостной и даже залихватской ухмылкой высоко над гуляющими подле потомками. Надпись на памятнике гласила: «Художнику слова от правительства Советского Союза».

– Мда... – изрек Самолетов скептически, – видимо, это самая последняя острота Николая Васильевича.

В самом конце их путешествия рядом с выходом из метро «Кропоткинская», где они остановились под аркой, любясь открывшимся видом на храм Христа Спасителя, Лану чуть не сбила с ног растрепанная тетка с двумя сумками и лицом загнанной жизнью лошади.

– Понаехали тут! – зашипела она, но, увидев грозный

взгляд молодого человека, который поддержал девушку, не дав ей упасть, она предпочла быстро исчезнуть в метро.

– Чего это она? – потирая ушибленный бок, спросила Лана.

– Наверное, не любит приезжих. Впрочем, судя по ее виду, она вообще никого не любит.

– А как она узнала, что я не местная?

– Ты не будешь обижаться, – Никита опробовал подобрать слова поделикатнее, – но в тебе, как бы это сказать, заметна провинциалка.

– А в чем это выражается, – обиженно поджала губы Лана, – я что, плохо одета?

– Нет, не плохо, но по-другому. У москвички, даже если она бедно одета, все равно видна претензия на пренебрежительный московский стиль. А ты одета хорошо, но так здесь не одеваются и, только не обижайся, так сильно не красятся.

– Что? Тебе не нравится, как я накрашена?

Кажется, он переборщил в своих откровениях, Лана сдвинула бровки и, насупившись, попыталась разглядеть свое отражение в витрине магазина, расположенного рядом. Зачем он ляпнул, что ее макияж, особенно в части подведения глаз, чрезмерен? Какое его дело? Зачем он вообще попытался сравнивать ее с высокомерными москвичками? Претензия на стиль и завышенная самооценка – вот и все их преимущества перед девчонками из глубинки.

Самолетов попытался загладить свою нетактичность ком-

плиментом:

– Я имел в виду, что в Москве девушки, если и наносят макияж, то так мало и тонко, что почти незаметно. А тебе так вообще, я думаю, не нужно употреблять косметику, твои черты настолько красивы и свежи, что косметика только портит тебя.

Кажется, ему удался маневр. Услышав последние слова, она растаяла и благосклонно взяв его под руку, позволила продолжить экскурсию.

Путешествие по бульварам закончилось на площадке храма Христа Спасителя с видом на Москва-реку. Здесь неожиданный восторг его спутницы вызвало с точки зрения Самолетова уродливое и безвкусное «украшение» столицы, а именно памятник Петру Первому. На что Никита со снобизмом коренного москвича фыркнул:

– Поставили Петра Первого, с морским рулем и где? Над Москва-рекою. Они бы еще царя у какой-нибудь московской лужи поставили. Петр Алексеевич, наверное, не раз в гробу перевернулся.

Впрочем, в глубине души он понимал, что на самом деле этот город, как апофеоз эклектики, уже ничем не испортишь.

– Знаешь что, давай я покажу тебе своих друзей, – вдруг предложил Самолетов, решив, что внешний осмотр города можно закончить, и пора приступать к более детальному изучению его содержимого.

– Ты хочешь познакомить меня со своими друзьями? –

спросила она с удивлением.

– Да, – твердо ответил Никита.

– А ты не боишься, что они расскажут твоей жене?

– Эти не расскажут.

– Хорошие у тебя друзья...

– Еще бы, ведь они из музея.

– Из музея! А что они там делают?

– Они там висят.

Он прочел недоумение в ее глазах.

– Не пугайся, мои друзья – это картины в музее изобразительных искусств. С ними я и хочу тебя познакомить.

– Ха-ха, Самолетов, ты просто прелесть, я просто сгораю от желания пойти с тобою в музей...

Никита почему-то вспомнил Глорию. Однажды в Штатах на ее вопрос, куда они сегодня пойдут, он ответил: «В национальный художественный музей». И она разочарованно произнесла: «Ты хочешь в музей? Но ты уже был в одном!...»

– Отлично, тогда я буду твоим экскурсоводом, – воскликнул Никита, в восхищении глядя на Лану, не скрывающую своего интереса к тому, что он безгранично обожал.

От храма они перешли дорогу и направились ко входу в музей живописи, который почему-то носил имя великого поэта. Самолетов с пиететом относился к пииту, но все время силился понять, какая связь между ним и живописью.

Когда они раздевались в цокольном этаже музея, он заметил странные взгляды гардеробщиц в сторону его подру-

ги. Он посмотрел внимательнее и обнаружил, что ее высокие каблочки и короткая юбочка с разрезом на боку как-то мало вяжутся с сосредоточенно-возвышенной аурой музейных стен. Мало того, последняя пуговица на разрезе с торчащей из нее черной ниткой все время расстегивалась, открывая ногу Ланы в темном чулке чуть ли не до пояса.

«Ну и пусть! – подумал Никита. – Если это кого-то смущает, то это их проблемы!»

И, взяв изумленную, судя по ее широко раскрытым глазам и приоткрытым губам, музейным интерьером Лану за руку, он повел ее по широкой лестнице из красного мрамора вверх, к божественному искусству.

Первым на их пути оказался зал временных экспозиций, где проходила выставка современных художников-авангардистов. Никита, оглядев огромные полотна, забрызганные красками вдоль и поперек, поморщился и потянул Лану дальше. Но та неожиданно заупрямилась, желая осмотреть все.

– Лана, пойдем, тут нет ничего интересного, – заметил Никита нетерпеливо.

– Ну и что, – спокойно ответила та. – Я никогда такого не видела и хочу посмотреть.

– Этим они и берут! – с досадой воскликнул он. – Никто ничего подобного не видел, и поэтому все хотят посмотреть.

– А что здесь нарисовано? – словно неискушенная маленькая девочка, спросила Лана, взирая на красочную мазню.

– Не знаю, надо название прочесть, – буркнул Никита. – Ага, картина называется «Песня», в скобочках: «Не окончена». Интересно, что – песня или картина?

– Ой, а это с какой стороны надо смотреть?

– Лучше с изнанки... – мрачно ответил Никита. – Тут написано, что картина называется «Истина», в скобочках: «Версия 2».

– Мне кажется, ты слишком строг, – улыbnулась Лана. – А вот окружающим она нравится, все только на нее и смотрят.

Никита оглянулся и обнаружил, что в их сторону в самом деле направлены взгляды большинства присутствующих в зале мужчин.

– Ну да, только смотрят они вовсе не на картину, – сказал он, сразу поняв, в чем дело.

– А куда? – удивилась Лана.

– Они смотрят на главный экспонат в этом зале. Можно сказать, на шедевр.

В глазах Ланы читалось полное недоумение.

– Они смотрят на тебя! – рассмеявшись, объяснил Никита.

– Ой! Я что – как-то не так одета? – засмушалась Лана. – И пуговица все время расстегивается... И эта проклятая нитка из нее торчит...

– Ну, это легко исправить...

Заведя смущенную спутницу за ближайшую колонну из фальшивого мрамора, Никита наклонился к ее обтянутым

черными чулками коленкам, почти касаясь их носом, после чего аккуратно, чтобы не оторвать пуговицу, откусил нитку зубами.

– Молодые люди, не облакачивайтесь на колонну! – тут же раздался строгий голос пожилой смотрительницы в синей униформе.

– Мамаша, не беспокойтесь. Она же не упадет, – примирительно произнес Самолетов.

Смотрительница скривила морщинистый ротик:

– И вообще ведите себя прилично, вы в музее!

– Мы постараемся ничего не украсть, – улыбнулся Никита и быстро увлек «лучший музейный экспонат» дальше, к своему любимому залу импрессионистов.

– Ты спрашивала о моих друзьях? – сказал он, благоговейно застыв посередине зала. – Вот они, почти все здесь. Они воспитали мой художественный вкус и отношение к женщине.

– Ты серьезно? – изумилась Лана. – Первый раз слышу, что живопись может повлиять на отношение к женщине.

– Еще как может! – уверил ее Никита. – Импрессионисты первые покончили с холодом античных богинь и классической симметрией в изображении женского лица. Вот посмотри, например, на эту «Обнаженную» Ренуара. Раньше, изображая женское тело, художники и думать не смели о том, чтобы использовать синий и зеленый цвета. Критики даже называли эту картину изображением большого куска мяса.

И где теперь эти критики, и где Ренуар?.. А вот посмотри на этот портрет актрисы Жанны Самари. Готов поспорить, что художник получил в свое время хороший нагоняй от оригинала за столь вольное обращение с ее лицом. Заметь, он полностью пренебрег точностью пропорций и правильностью глаз! Вряд ли ему удалось объяснить столь симпатичной модели, что тем самым он передает неуловимое женское обаяние.

– А разве другие художники женщин не рисовали? – заинтересованно спросила Лана.

– К сожалению, все прекрасное в живописи на импрессионистах и закончилось, – безапелляционно заявил Самолетов. – Дальнейшие попытки изобразить женское тело при помощи двух квадратов и трех треугольников имеют отдаленное отношение к эстетическому восприятию телесной красоты. Придумав правила игры для живописи, художественная богема замкнулась сама на себе, видимо, смертельно обидевшись на мир за изобретение фотографии и кинематографа, что лишило живопись единоличного права на отображение окружающего мира.

– Как интересно ты рассказываешь! Ты, наверное, в детстве хотел стать художником?

– В детстве я мечтал стать пожарником. Хотя рисовал очень неплохо и ходил в художественную школу. Мои картины даже брали на детские выставки. Однако во мне никогда не было божьей искры настоящего живописца, зато я был

отличным копиистом. Я смотрел, как рисуют мои товарищи и, используя их приемы, несколько модифицируя и развивая их, создавал свои произведения.

– По-моему, все художники так учатся рисовать.

– Все! Но гениями становятся единицы. Когда я понял, что гения из меня не получится, а с другим положением я смириться не мог, то бросил рисовать навсегда.

– Как же ты это понял?

– А-а, длинная история.

– Расскажи, ну пожалуйста! – по-женски настойчиво попросила Лана.

– Ну хорошо, слушай. Это было в пионерском лагере, – начал рассказ Самолетов. – Меня, как лучшего рисовальщика, выбрали редактором стенгазеты, а в помощники дали одного мальчика из нашего отряда. Когда он показал свои рисунки пионервожатым, они долго смеялись над его непонятной мазней. Однако когда я увидел эти рисунки, то сразу понял, насколько это неординарно.

Главным событием этого лета был фестиваль молодежи и студентов на Кубе, и, естественно, к нему было приурочено много мероприятий. Одним из них был конкурс рисунка на асфальте.

Я долго думал, как бы мне отличиться, но ничего в голову не шло. Неожиданно я вспомнил, что в пионерской комнате лежит подшивка «Пионерской правды», и не далее как вчера, просматривая ее, я видел там неплохие рисунки на тему

фестиваля. Я незаметно пробрался туда, быстро просмотрел подшивку, нашел два самых удачных рисунка и вырвал их из газеты. После этого мне оставалось лишь спрятать клочки газеты в кулаке, чтобы, подглядывая в рисунки, точно воспроизвести их на асфальте. Что-что, а уж копировать я умел.

За отведенное время, когда другие дети еле-еле успели закончить по одному рисунку, я заполнил два квадрата великолепными работами профессиональных карикатуристов. Нетрудно догадаться, что жюри просто ахнуло от восторга. Мой помощник по стенгазете чуть не плакал от отчаяния: то, что он изобразил, было оригинально, но никак не могло соперничать с отточенностью, остроумием, а главное, идеологической выдержанностью газетных публикаций.

Апофеозом праздника стала вечерняя линейка, когда вокруг флагштока выстроились все отряды для награждения победителей конкурса. Никогда не забуду, как мне вручали первый приз. Весь лагерь, от мала до велика, скандировал: «Поздравляем! Поздравляем!» А чего стоили восхищенные взгляды девочек старших отрядов!..

Эта была самая позорная минута в моей жизни. После этого я и решил бросить рисовать раз и навсегда. – Никита внимательно посмотрел на Лану. – Хотя теперь, когда я смотрю на тебя, я жалею, что не стал художником.

– Почему?

– Потому что великие художники рисовали своих мадонн с таких женщин, как ты. Нет, они их рисовали с тебя! Ты

устанавливала эталон женской красоты на все века. Мало того, Петрарка и Шекспир посвящали тебе свои сонеты. Ты – воплощение вечной женственности. Поэтому тебе не надо бояться смерти. Тебе не надо бояться увядания. Ты будешь жить вечно, пока есть жизнь и художники, воплощающие эту жизнь в своих творениях.

Лана восхищенно посмотрела на Никиту, потом обвела взглядом полотна вокруг и остановила свой взгляд на «Танцовщицах» Дега.

– Как красиво нарисовано! – воскликнула она, – Как я хотела бы иметь такую картину дома.

– Не ты одна, – усмехнулся Самолетов, – я даже вообразить не могу сколько она стоит.

– А давай ее украдем, – по деловитому предложила его спутница, примериваясь взглядом, как лучше это сделать.

– У тебя kleптомания, похоже, в крови. Украсть картину из музея – это будет посложнее, чем стырить пару тряпок из американского магазина.

– Ах, вот оно что, – нахмурилась Лана. – Этот предатель тебе уже все рассказал!

– А что здесь такого? Или это большой секрет?

– Какой уж там секрет, если весь свет уже знает.

– Ну, а все-таки? Может, я чего-то не понимаю, но это же было так глупо.

– Я сама не знаю. Это все Алина. Говорит: идем да идем. Я даже не могла понять, что произошло.

– И чем это закончилось?

– Нас отвели к судье, и она отпустила нас.

– Не понимаю. В Америке воровство уже не наказываются?

– За что наказывать, а за что миловать, в Америке решает судья. А нам попалась очень классная тетка. И потом, Алин-ка сказала ей три вещи...

– Интересно, какие?

– Во-первых, то, что ее хорошо знает Михаил Горбачев, во-вторых, что она страдает тяжелым психическим заболеванием, и, в третьих, что судья очень похожа на ее маму. Через пять минут мы были свободны с условием, что должны отработать две недели на общественных работах.

– Как это?

– Мы должны были отсидеть спасателями в местном водном парке. Полный идиотизм! Алинка даже плавать не умеет.

– И много народу вы спасли?

– Да там ребенку по пояс! Скукота, сиди да смотри за плавающими, чтобы не прыгали с бортика. Если бы не эти два тренера по плаванию...

– Каких тренера?

– Ой, я чего-то лишнего сболтнула.

– Нет уж, сказавши «а», договаривай! И потом, мне это абсолютно все равно.

– Правда?

– Правда.

– Ну, там были ребята, которые учили посетителей плавать. Ты не представляешь, это были такие аполлоны! Один из них, кажется, в меня влюбился.

– А может быть, ты в него?

– Нет, я точно помню, как все было. Ну, может быть, совсем чуть-чуть, когда мы трахались с ним в прозрачном лифте какого-то небоскреба... Ой! – Лана с испугом посмотрела на Никиту. – Блин, совсем мозги прикурила, опять меня понесло куда-то не туда...

– Чего уж там! Что было, то было, – сделал безразличный вид Никита. – И почему же вы расстались?

– Потому, что кроме красивого тела у него ничего не было.

– Так уж и ничего?

– Ну, ты же знаешь этих американцев: они либо добродушно тупы, либо тупо добродушны. А мне в мужчине этого мало...

– Все, – вдруг прервал ее Никита, – не хочу больше слышать про тех, кто у тебя был до меня!

В ответ она сжала его руку и вдруг сделала неожиданное признание:

– Только теперь я поняла, что ничего стоящего и не было...

Такая откровенность сильно тронула Самолетова, он понял, что увлекается Ланой все больше и больше. Такой глу-

бины в женщинах он раньше не встречал, и такой экстравагантности. Как бы в подтверждение его мысли, она протянула руку к полотну, и, видимо, стремясь сменить тему разговора, спросила:

– Если ее нельзя украсть, можно я дотронусь до этой картины?

– Ты с ума сошла, это же Дега! – Никита с опаской огляделся по сторонам.

– Но мне очень хочется, – настаивала она.

– Хочешь прикоснуться к великому?

– Ага, ты же сам сказал, что они рисовали свои картины с меня. Значит, мне можно.

И в самом деле, подумал Никита, Лана – такой же шедевр искусства, как и все картины вокруг. И неважно, что ее красота временна: она больше принадлежит к их миру, чем к настоящему. Она легко могла бы быть подругой какого-нибудь художника, перебивающегося с хлеба на воду, который не задумывался, какие страшные миллионы будут отдавать коллекционеры на аукционе Сотбис за банку полевых цветов, намалеванную для нее за полчаса.

– Ну, ладно, – с озорством согласился он, – только быстро. Я тебе скажу, когда смотрительница отвернется.

Улучив момент, когда старушка на стуле отвлеклась, спрашивая время у своей соседки в другом зале, Никита тихо скомандовал:

– Давай!

Лана протянула свою изящную руку и дрожащими пальчиками коснулась бесценного полотна.

– Как здорово! – с восхищением, близким к оргазму, воскликнула она.

– Молодые люди, чем это вы там занимаетесь? – вдруг раздался под музейными сводами визгливый голос вернувшейся смотрительницы.

– Бежим, – не раздумывая, скомандовал Никита и, схватив подругу за руку, быстро потащил ее в направлении, противоположном крику. Всполошившиеся старушки-смотрительницы вскочили со своих мест и, взволнованно спрашивая друг друга, что случилось, провожали беглецов недоуменными взглядами.

К счастью, молодым людям подвернулся отгороженный ленточкой темный коридор, ведущий к еще не открытой экспозиции. Они быстро поднырнули под ленточку, забежали в полумрак коридора и затаились в маленьком алькове, устроившись, чтобы отдышаться, на кожаной скамейке.

Они просидели так несколько минут, прислушиваясь к тому, что происходит в залах музея. Но в уединенное место, которое они облюбовали, снаружи не долетало ни звука. Никита посмотрел на Лану. Ее взгляд был устремлен на противоположную стену ниши. Там в небольшом углублении висело удивительно тонкое и живое изображение городского центра с многочисленными башенками и позолоченными крестами.

– Это лучшая картина из всех, что мы сегодня видели, –

сказал Никита. – Она называется «Вид на Москву».

– Господи, да это же не картина! – вдруг воскликнула Лана. – Это же окно!

– В самом деле? – рассмеялся Никита.

Он вдруг он понял, как ему хорошо здесь рядом с этой девушкой. «Наверное, я мог бы остаться в этой нише навсегда», – подумал он.

– Ну, как тебе мой любимый музей? – спросил он Лану.

– Кажется, я сейчас кончу! – восхищенно ответила она.

– И я не против, – он выразительно посмотрел на нее.

– Ты с ума сошел!

– Это нам не грозит, – ответил он, расстегивая пуговицы на ее юбке, – дважды с ума не сходят...

Котенок Из Дома 69

Турбовинтовой самолет АН-24 больше походил на старенький рейсовый автобус: в полете он так же дребезжал и, казалось, каждую секунду мог развалиться на воздушных ухабах. Первое время Никита прислушивался к натужному и не очень ровному звуку двигателей, рубящих винтами воздух в каких-то двух метрах от его иллюминатора, и привыкал к странному запаху – то ли горячей проводки, то ли разогретой вентиляцией пластиковой обшивки салона, сделанной по моде шестидесятых годов.

Спустя четверть часа он перестал волноваться, успокоив себя мыслью, что этот полет – не первый и не последний у этой машины, и по теории вероятности шанс, что она упадет именно в этот раз, минимален. А если абстрагироваться от мысли, что в полуметре внизу открывается холодная трехкилометровая бездна, то можно даже наслаждаться видом проплывающих в ночи бесконечных огоньков селений и городов, глядя на которые Никита всегда начинал чувствовать себя немного Господом Богом.

Постепенно гул моторов и завораживающий вид в иллюминаторе подвели его сознание к грани засыпания. Он очнулся от громкого разговора впереди. Вернее, не разговора, а странной мешанины английских слов с русскими междометиями, произнося которые человек думает, что чем громче

и извращенной он будет говорить, тем лучше иностранец его поймет. Впереди на креслах сидели двое: безупречно подстриженный мужчина средних лет с выражением бизнесмена на лице и «картье» на запястье, одетый с изяществом и сдержанным шиком, с каким в России умеют одеваться только иностранцы, и рыжеватый молодой парень в самопальной дубленке, с выражением лица, которое можно встретить только в плацкартном вагоне среднерусского направления.

Парень был явно навеселе. Он задумал в пути перекусить и, достав из своего баула целлофановый пакет, стал вынимать из него завернутую в газету жареную курицу и пирожки, распространяя вокруг соответствующий запах. Видимо, чувствуя, что неприлично жевать, когда сидящий рядом попутчик этого не делает, он стал настойчиво предлагать курицу чопорному соседу. Тот жестаи вежливо отказался, но парень с пьяной настойчивостью принялся совать ножку курицы ему прямо под нос, одновременно требуя от несчастного иностранца не стесняться. Наконец, тот сдался – очевидно, решив, что лучше уступить этому дикому русскому, чем сердить его с неизвестными последствиями. Он обреченно показал пальцем на пирожки в пакете, отчего парень широко расцвел лицом, вынул пирожок и протянул его соседу, гордо при этом сообщая: «Зис из капуста! Фром май мама. Пони-маешь? Мама...»

Иностранец деланно заулыбался и закивал головой, откусывая от пирожка. С трудом пережевывая странный «кейк»

с непонятной травянистой начинкой, как это бывает, когда во рту нет ни капли слюны, он понимающе промямлил: «Your mama... Mather... М-м... It's good!»

– Гуд, гуд, – радовался в ответ парень, отхлебнув из горлышка бутылки с пивом, – май маза из вери гуд! На, дринк!..

Чтобы хоть как-то протолкнуть пирожок внутрь, иностранец взял бутылку из рук парня и огляделся вокруг, поискав глазами бортпроводницу, у которой можно было бы раздобыть стаканчик. Не найдя ее, он с брезгливой миной отхлебнул прямо горлышка.

Внезапно, к несказанной радости иностранца, над их креслами возникла фигура стюардессы, женщины лет под сорок с лицом строгой мамыши.

– Ну-ка, быстро убирай свой ресторан! – потребовала она от парня, безошибочно оценив всю неловкость ситуации. – И пиво убери! А то я быстро тебя с самолета ссажу. И чтобы больше я твоего голоса с этого места не слышала! Понял, нет?

– Понял, – неожиданно скисшим голосом произнес парень. По его лицу и по тому, как быстро он спрятал еду, было видно, что он и в самом деле испугался – возможно, по привычке всякого пьяницы бояться женщин или по привычке всякого жителя из глубинки бояться любого начальства. Больше, ко всеобщему облегчению, он своего присутствия в самолете ничем не обнаруживал.

Пять минут спустя, едва пробиваясь сквозь гул летящего

самолета, бортпроводница через громкоговоритель сообщила, что самолет начал снижение и через десять минут будет совершена посадка в аэропорту города Воровска.

Земля встретила вновь прибывших сильным ветром и двадцатью градусами мороза, о чем также сообщила бортпроводница, когда они, удивительно мягко приземлившись (конек русских летчиков), подкатывали по взлетно-посадочной полосе к местному аэропорту. На крыше типичной плоской двухэтажной коробки светилось название города, где в слове «Воровск» не горели обе буквы «о».

Самолет остановился на покрытом льдом бетоне. К нему подкатил старенький аэропортовский челнок, чтобы отвезти пассажиров к выходу. Гулко захлопали двери салона и дверцы вещевых отсеков над креслами. Первым через салон быстро прошел экипаж, прощаясь с несказанно благодарными пассажирами. Сразу за ним, застегиваясь на ходу, потянулись все остальные. Никита выходил из самолета с легким волнением. «Интересно, встречает ли она меня? – думал он. – Это было бы здорово, хотя вряд ли она одна так поздно поедет в аэропорт».

Выйдя из теплого салона самолета, он сразу же попал в вихрь морозного воздуха, дерущего на открытом пространстве щеки, словно наждачная бумага. Холод никогда не смущал Никиту, он был нечувствителен к нему (так же, впрочем, как и к жаре) и даже наоборот, как-то странно взбадривался всеми клеточками тела, вступающими в смертельную

схватку на выживание с окружающей средой.

Кучка прилетевших пассажиров быстро загрузилась в выстуженный челнок, преимущество которого перед улицей заключалось только в отсутствии ветра, и тягач с накрытым теплым кожухом мотором повез их в дальний угол аэропорта, чтобы через КПП выпустить за ограду.

Навстречу прилетевшим из здания аэропорта с приветствиями, поцелуями и рукопожатиями высыпали встречающие, но Ланы среди них не было. Уже почти всех пассажиров разобрали по частным машинам, когда он увидел ее. В длинном бежевом пальто, без шапки, она с улыбкой ступала навстречу широко и уверенно; при этом все ее тело – плечи, бедра, ноги – двигалось в таком гармоничном и привлекательном сочетании, что казалось, будто красивая птица летит над землей в великолепном все затмевающем ореоле.

Она подошла к нему, ни слова не говоря, обняла за шею и прильнула к его губам долгим согревающим поцелуем. Он, как всегда отчего-то смущаясь, как будто это была их первая встреча, немного отстранился и всмотрелся в ее лицо, уже не видя и не чувствуя ничего вокруг, потом взял ее маленькую, немножко озябшую руку и приложил к своим губам.

– Ну, здравствуй, солнышко, – выдохнула она смешанные с паром и неподдельным возбуждением слова приветствия.

– Здравствуй, котенок, – с глупой улыбкой счастья ответил он.

– Ты опять в «командировке»? – с спросила она, в шутку

хмурясь.

– Да, вот... – развел руками он.

– Ну тогда пойдем, нас ждет машина, – сказала она и потащила его в сторону автостоянки.

Их ждала с включенным двигателем старенькая, но ухоженная «копейка» неопределенного выцветшего цвета с таким же неопределенного возраста выцветшим мужичком, подрабатывающим извозчиком. Лана поймала его еще в городе и попросила подождать, чтобы вернуться обратно.

Дорога до города заняла не больше двадцати минут. Микрорайон со странным названием «Птичий рынок», где Лана вдвоем с подругой снимала двухкомнатную квартиру, представлял собой скопление стандартных девятиэтажек с неосвещенными дворами, среди которых были разбросаны ларьки и продуктовые павильончики, как знаки нового времени. Возле одного из таких павильончиков Никита и попросил водителя притормозить, чтобы купить что-нибудь на ужин.

Совсем недавно он получил приличные деньги за разработку онлайн-магазина для своего приятеля, торгующего техникой, и теперь мог позволить себе некоторую широту жестов.

Когда он оплачивал икру, бананы и мартини вместе с массой других деликатесов, продавщица посмотрела на него со странным изумлением, как будто впервые видела человека, покупающего так много дорогих продуктов. Молодые брито-

головые парни, распивающие тут же водку на разлив, также посмотрели на него с нескрываемым интересом, отчего Никите стало немного не по себе. Однако, не теряя самообладания, он расплатился и, как ни в чем не бывало, с полными сумками вышел на улицу к машине.

Через минуту они въезжали в темный двор, освещенный лишь горящими окнами четырехподъездного панельного дома с неровно нарисованным на торце номером 69.

– Значит, в этом доме ты и живешь? – оглядываясь по сторонам, произнес Никита.

– Да. Как ты догадываешься, это мой любимый номер.

– Догадываюсь, – улыбнулся Никита. – Сколько мы должны водителю?

– Оставь, я уже заплатила, – сообщила Лана и направилась к угловому подъезду, в то время как «копейка» уже выезжала со двора.

– Лана, давай договоримся, – нахмурившись, сказал Никита, – когда ты со мною, за все плачу я.

– Нет, я так не могу. Ты вовсе не обязан этого делать, – совершенно искренне возразила она и, мягко взяв его за руку, потянула вглубь обшарпанного неосвещенного подъезда.

– А я не могу по-другому! – раздосадованно сообщил Никита.

– Ну ладно, посмотрим... Осторожно, здесь ступеньки.

Когда они вошли в полутемную и тесную парадную, Никите ударил в нос запах давно не вывозимых отходов из му-

соросборника и кошачьей мочи. Облупившиеся стены подъезда были густо покрыты подростковым творчеством.

– Нам на четвертый этаж, – на ощупь нажала Лана сожженную кнопку лифта.

«Хорошо хоть лифт работает», – подумал Никита, с опаской озираясь по углам исписанного и в том, и в другом смысле подъезда. Однако когда двери лифта распахнулись, он ужаснулся, обнаружив внутри совершенно сожженные стены, освещенные тусклой лампочкой, забранной железным щитом с дырочками.

– Осторожнее, – предупредила его Лана, показав вниз.

На полу лифта, оставив пассажирам лишь узкую полосу по краям, блестела черно-бордовая лужа.

– Что это? – спросил Никита.

– Не знаю. Кажется, кровь, – с полным спокойствием предположила Лана.

Чем ближе они подъезжали к четвертому этажу, тем громче слышался усиленный эхом дикий хохот и визг, очевидно, принадлежавший группе подростков, собравшихся на лестничной площадке одного из этажей. Когда двери распахнулись и они вышли в темноту неосвещенного подъезда, по внезапно стихшему гаму Никита понял, что они облюбовали для развлечений именно четвертый.

Чувствуя на себе десяток любопытных оценивающих глаз этой дышащей сигаретным дымом и алкоголем черной массы, Никита проследовал за Ланой по коридору к двери ее

квартиры. Как только они оказались внутри, дикая оргия, чуть-чуть приглушенная тонкой дверью на слабеньком замке, продолжилась снова. Лана не стала включать свет. Никита даже не успел снять ботинки, когда почувствовал на своем ремне ловкие руки Ланы, присевшей к его ногам.

– Ты с ума сошла! – слабо попробовал возразить он, но услышал снизу лишь приглушенный стон и тихий шепот:

– Господи, как давно я не держала его в руках...

В следующее мгновение он почувствовал холод ее ледяных ладоней, перемешанный с жаром дыхания.

Он поднял ее и быстро расстегнул ей брюки. Когда они упали к ногам, он обхватил ее руками за талию и посадил сверху на свои бедра. Порвав тонкую полоску трусиков, он легко, словно во что-то проваливаясь, проник в ее влажную горячую плоть.

Она билась и извивалась на нем, заходясь в крике и стогах. В коридоре за дверью стало необычайно тихо, словно все находящиеся там настороженно к чему-то прислушивались. Самолетов понял, что все происходящее в квартире прекрасно слышно за дверью.

Смешно путаясь в своих спущенных брюках, с Ланой на бедрах, он от греха подальше проковылял из коридора на кухню и закрыл за собою дверь. Разгоняя толпы тараканов на полу, он добрался до окна и, посадив Лану на подоконник, продолжил начатое, уже не заботясь ни о чем.

Стоя лицом к окну, он видел перед собою трясущееся

изображение покрытого снегом спортивного поля, панельные дома на противоположной стороне и горящие в них огни. Неожиданно его взгляд привлек блеск очков под фонарем внизу дома. Очки принадлежали мужчине, остолбенело уставившемуся в сторону их окна.

«Ну нигде нет покоя! – подумал Никита. – Что за городишко!»

– Не так! – словно услышав его, воскликнула Лана, соскользнула с подоконника и, развернувшись к нему задом, расставила ноги.

Никита взял свое продолжение в руку, поводит им между ее истекающих соком ног, а затем направил его чуть выше.

– Можно туда? – спросил он с замиранием.

– Тебе можно все... – со страстным выдохом ответила она.

Соорудив стол из двух табуреток, принесенных с кухни, разложив еду и украсив ее бутылкой вина, они устроились прямо у электрического камина в гостиной. Никита разлил вино по простеньким стаканчикам, найденным на кухне, и протянул один из них Лане.

– За тебя! – поднял он тост.

– За тебя, – откликнулась она.

Они чокнулись и выпили терпко-ароматный красный мартина, который с тех пор стал любимым напитком Никиты.

Дальнее путешествие, холод, вино и секс разбудили в нем первобытно-животное удовольствие от поглощения пищи. В

какой-то момент ему показалось, что Лана даже приревновала его к еде, хотя сама ела с не меньшим аппетитом.

– Ну, признавайся, – неожиданно спросила она, – кого ты соблазнил без меня?

– Никого, – чуть не поперхнулся Никита.

– Не ври, я же знаю, – убежденно произнесла она.

– Откуда?

– Источники доносят, чем вы по ночам занимаетесь втроем: ты, Юлик и девушка по имени Текила.

– Теперь ясно, что это за источники, – догадался Никита. – Наш друг Юлик?

– Да, Юлик. Он, кстати, недавно приезжал сюда.

– Вот как? А мне он ничего не говорил. Странно. И где же он жил?

– Как где? Здесь. Мы даже спали с ним в одной постели.

Никита почувствовал, как в нем неприятно зашевелилась ревность, но не подал и вида.

– И что, вы с ним даже не трахнулись?

– Не меряй всех по себе. С какой стати мне с ним трахаться, он же приехал к Любе.

– Что-то не верится! Чтобы два таких человека ночевали в одной постели и между ними ничего не случилось?

– Абсолютно! Причем у него всю ночь стоял.

– Откуда ты знаешь?

– Он попробовал ко мне пару раз пристать, но я никогда не предавала таким образом своих подруг.

– А мне всегда казалось, что в любви не может быть друзей, – признался Никита, – и особенно это касается женщин. Я всегда считал, что лучшая подруга предаст не задумываясь, если речь идет о мужчинах.

– Вот и видно, каких друзей ты себе выбираешь. Ты думаешь, Юлик хоть на секунду задумался бы, если бы я ему не отказала?

– Думаю, что нет.

– Я тоже так думаю.

– Бедный Юлик! Похоже, он даже не догадывается, как далеко зашли наши отношения. Он до сих пор считает, что мы просто поделили с ним девчонок пополам и это вовсе не означает, что в следующий раз мы не сможем разделить их по-другому.

– Не считай его глупее себя. Он прекрасно догадывается, во что превратилась наша интрижка, и действует соответственно.

– Что ты имеешь в виду?

– То, в каких подробностях он рассказывал мне о ваших похождениях и особенно как он живописал тебя.

– Что ты хочешь, он же американец! Он ничего не может держать при себе и, как ребенок, не считает это чем-то зазорным.

– Он рассказал мне и про ваш секс втроем. Боже, как ты мог?

Лана отвернулась к окну, и в ее голосе явно прозвучала

обида.

– Лана, – попробовал повернуть ее к себе Никита, – ты же понимаешь, что к нам это не имеет никакого отношения.

– Понимаю, – не оборачиваясь, сказала она. – Весь ужас в том, что тебя нельзя даже обвинить в измене. Потому что для тебя это в порядке вещей.

– Дело не в этом. Во-первых, то, что он рассказывал, было еще до знакомства с тобою. Во-вторых, с другими женщинами я был по физиологической необходимости, не вкладывая в это никакого чувства. Это все равно как... – Никита искал подходящее сравнение – ...как почистить зубы или сходить в туалет. Ты же не будешь ревновать меня к унитазу, с которым, поверь мне, у нас тоже очень интимные отношения.

Лана рассмеялась, и в ее голосе сразу исчезли нотки обиды.

– За что я тебя люблю, так это за твое чувство юмора. С его помощью ты можешь вывернуться из любого положения.

Никита внутренне поздравил себя с победой и снова разлил вино по стаканам.

– Давай выпьем за мое чувство юмора и твое чувство, что у меня это чувство есть.

Лана снова хихикнула, глотнула вина, после чего серьезно спросила:

– Нет, мне все-таки интересно: ты и правда не смог бы хранить верность никому сколько-нибудь заметный период

времени? А что ты будешь делать, если я тебя брошу, а твоя жена, скажем, забеременеет?

– Ну, во-первых, с беременными можно не прекращать интимных отношений хоть до самых родов, только позу надо выбирать правильно, а, во-вторых, это как с игрой на скрипке: «Вы на скрипке играть умеете?» – «Не знаю, не пробовал».

Лана снова рассмеялась, и они еще пригубили вина.

– М-м, – как бы вспомнил о чем-то Никита, отрываясь от своего стаканчика, – кстати, что касается измен. Что это за мужик стоял под домом и глазел на твои окна?

– Какой мужик? Ты ничего не путаешь?

– Разве ты не заметила? Когда мы занимались этим, он пялился на нас.

– Где?

Лана резво вскочила и с подозрительной поспешностью подбежала к окну.

– ...Никого там нет.

– Наверное, уже ушел, – заметил Никита, внимательно наблюдая, с каким волнением вглядывается в темноту его любовница. – Он что, твой знакомый?

– Тебе, наверное, показалось.

Она вернулась на место.

– Да нет, наверное, не показалось. И после этого ты обвиняешь меня во всех смертных грехах? А у самой любовник ночует под окнами! Ну ладно, колись, я никому не скажу, –

шутливо начал настаивать Никита.

И она неожиданно сдалась.

– Ладно! Если это тот, о ком я думаю, то это не то, что ты думаешь.

– А попроще нельзя?

– Ну, есть один человек, который в меня влюблен. Но между нами ничего не было и не могло быть.

– Он что, такой козел?

– Он не козел, он очень хороший и талантливый человек. Просто я сама не хочу.

– Вот это уже подозрительно! Ты его так хвалишь, как будто он тебе небезразличен.

– Повторяю, он влюблен в меня очень трогательной и чистой любовью. Время от времени он гуляет под моими окнами, а когда я куда-нибудь уезжаю, он встречает меня с цветами на вокзале.

– Знаем мы эти чистые чувства и чем они обычно заканчиваются.

– Тебе этого не понять, потому что ты животное.

– Где уж нам, самцам-производителям, разобраться в тонких материях...

Никита в легком раздражении встал из-за импровизированного стола и снова подошел к окну, глядя в неуютный сумрак провинциального городка. Под окнами и в самом деле уже никого не было, лишь худой и замерзший пес с поджатым хвостом шустро хромал куда-то по своим делам.

– Не обижайся, ты тоже очень хороший, – заметив его беспокойство, ободряюще замурлыкала Лана.

– Тоже! – скептически усмехнулся он.

– Нет, ты самый лучший! Самый талантливый! Самый сексуальный! Самый... самый... ты даже сам не знаешь, какой ты. Я люблю в тебе все, и даже то, как ты притворяешься, что ревнуешь меня.

– Ты думаешь, что я притворяюсь? Скажу тебе честно: этот твой ночной воздыхатель беспокоит меня больше, чем кто-либо. Измени ты мне с каким-нибудь безмозглым красавчиком, я не ревновал бы тебя так – ты сама его бросишь. Я ревную к тому, кто интересен тебе как талантливый человек.

– Правда? – удивилась Лана. – Какое странное у тебя чувство ревности!

– Ничего странного. И дело здесь не во мне, а в тебе. Мне кажется, что если ты и сможешь уйти от меня, то тебя будет меньше всего интересоваться секс.

– Дурачок, о чем ты говоришь! Если бы я даже захотела тебя бросить, она бы мне не позволила, – и Лана глазами показала вниз, где под краешком халатика, скрывалось безумие, которого он прежде не знал.

– Я ее за это поцелую, – прочувствованно произнес Никита, склоняясь к ней и осторожно отодвигая полу халатика.

– Подожди, – отстранилась Лана, – я что-то замерзла. А ты?

– Еще как, – рассмеялся Никита, – поэтому и предлагаю

согреться.

– А хочешь, я налью горячую ванну и мы залезем в нее вдвоем?

– Еще бы! – с восторгом принял идею Никита, – это то, о чем я мечтал весь последний месяц.

– Залезть в ванну? – тут же среагировала Лана.

– Вдвоем с тобой, дуреха, – рассмеялся Никита, осознавая, как ему повезло не только с девушкой, но и с ее чувством юмора.

Четверть часа спустя они сидели друг против друга в необычно большой для малогабаритной квартиры ванной, уставленной по краям шампунями, кремами, гелями и прочими снадобьями, без которых женщина не может чувствовать себя таковой.

Даже здесь слышалось завывание метели за окном и галдеж агрессивно-бесцеремонной молодежи у лифта. Никто из жителей этажа до сих пор не вышел и не потребовал, чтобы молодая поросль, которой в подъезде было гораздо теплее и веселее, чем на холодном ветру, убралась из него. И это было понятно: вряд ли у кого из жителей хватало смелости выйти к разбушевавшимся тинэйджерам на темную лестничную площадку, где недолго и по шее получить, если не хуже.

Все это – опасность за дверью, промозглость и мрак за стенами, неустроенность окружающей жизни и оторванность от цивилизации – необычайно умиротворяюще подействовало

на Никиту. Несмотря на то, что безумие внешнего мира было отделено от них лишь тонкой дверью ванны, казалось, что они сейчас одни в целом мире на заре его зарождения, им тепло и хорошо, а вокруг такая родная, согревающая до самого сердца водная среда.

Он чувствовал дыхание Ланы, которое было теплее, чем пар от воды. Ее тонкие мокрые плечи, ее острые кончики молодых и удивительно красивых грудей, распаренные горячей водой, вдруг навеяли на Никиту воспоминания детства, когда маленьким ребенком мама сажала его в ванну вместе со старшей сестрой. Только тогда их сажали спинами: наверное, чтобы они не видели «глупости» друг у друга. Теперь он сидел в ванной лицом к лицу с девушкой намного младше себя и прекрасно мог видеть сквозь колеблющуюся воду все ее прелести.

– Ой, я хочу писать, – неожиданно с простотой ангела сообщила Лана.

– Писай прямо в ванную, – с простотой дьявола предложил Никита.

– Ты с ума сошел! Кто же писает в ванну?

– Я, например. Моча – это самая чистая жидкость.

– Нет, я так не могу.

– А если я тебя об этом попрошу?

– Ну, хорошо. А ты не будешь смотреть?

– Буду.

– Я буду стесняться.

– И напрасно. Ты когда-нибудь пробовала писать стоя?

– Нет. Для девушки это просто невозможно.

– А ты попробуй!

Никита, сидя в ванне, взял Лану под мышки и поставил на ноги.

– Я так вся обмочусь.

– А если раздвинуть ножки? – предложил Никита.

– Нет, я стесняюсь.

– Ну, ради меня! Я в жизни не видел, как девушка писает.

Не лишай меня этого удовольствия.

Лана со странной для себя застенчивостью помотала головой.

– Ну, хорошо, – не сдавался Никита, – не лишай себя удовольствия хоть раз в жизни почувствовать себя настоящим мужчиной.

Такая перспектива как будто заинтересовала Лану.

– Хорошо, я попробую. Только ты не смейся, – и она, расставив ноги, замолчала, как будто на чем-то сосредоточившись.

Никита, сгорая от возбуждения и любопытства, во все глаза смотрел на розовые раскрытые между ног женские губы, пытаясь понять, откуда сейчас брызнет янтарная струйка. Он не раз любовался на женский орган, но такого красивого устройства, как у Ланы, он еще никогда не видел. Только сейчас он понял, почему складки, закрывающие вход в женщину, называют губами. У Ланы этот вход и в самом деле

походил на большой чувственный рот с абсолютно гладкими розовыми губками.

К ним неудержимо хотелось прикоснуться собственными губами, почувствовать их мягкость и упругость, что Никита не преминул тут же сделать.

– Нет, я так не могу, – вдруг заявила Лана. – Ты смотришь.

– Ну, хорошо, я закрою глаза, – схитрил Никита, прищуриваясь. – Ну?

Лана еще некоторое время постояла, с умильной серьезностью глядя вниз, потом в самом верху ее малых губ раскрылась маленькая щелочка со спичечную головку и оттуда брызнула первая веселая струйка. Она быстро иссякла, но вдруг снова возродилась, и наконец светло-желтый поток, похожий на крохотный водопад и совершенно не похожий на ту струю, которую привык наблюдать у себя Никита, хлынул в ванну, образуя в месте соприкосновения с водой кипящий ключ.

Никита открыл глаза, посмотрел прямо на смущенную Лану, взял ее снизу за бедра и осторожно подтолкнул к себе. Она уже ничему не сопротивлялась. Еще миг – и его лицо и плечи оказались прямо под янтарным, распадающимся в воздухе на сотни брызг, потоком. Он омывался в нем, как в источнике с живой водой, чувствуя настоящий на ее теле острый запах. Подставив открытые ладони, он стал играть со струей, совершая омовения груди и лица. Лана с изумлением взирала на него, одновременно возбуждаясь, что было за-

метно по ее полуоткрытому рту и подрагиванию ноздрей.

Как заканчивается всякое счастье, закончился и переливающийся всеми цветами янтаря поток из ее тела. Она резко села, расплескав воду на пол, взяла его руками за подбородок, притянула к себе и прильнула разгоряченными губами к его лицу, слизывая с его губ, щек и лба солоноватую жидкость, пока их губы не соединились в страстном поцелуе.

Неожиданно прерывисто и часто зазвонила переносная телефонная трубка, предусмотрительно захваченная Ланой в ванную и устроенная в ящике с бельем, чтобы случайно не промокла.

– Не бери, – предложил он шепотом.

– Подожди! – отстранилась она. – Это межгород. И, кажется, я знаю, кто к нам прорывается. Ты тоже можешь послушать.

Она вынула из ящика трубку с небольшой антенной и нажала на кнопку громкой связи.

– Привет! Вы что там, замерзли? – раздался в ванной гулким эхом голос Юлика.

– Наоборот, нам с Любой сейчас очень тепло, – глядя на недовольного Никиту, весело ответила Лана.

– А где вы? У вас в телефоне странное эхо.

– Мы в ванной. А ты где? – сдерживая смех, спросила девушка.

– Вы в ванной? Вдвоем? – изумился Юлик.

– Да, а что тебя так удивляет?

– Наоборот, я бы сейчас многое отдал, чтобы оказаться вместе с вами.

– Смотри, потом не пожалей о своих словах.

– С какой стати! А почему Люба молчит? Я же затем и звоню, чтобы поздравить ее с днем рождения. Люба, ау...

Неожиданно в разговор вступил Никита, изменив свой голос до неузнаваемого писка.

– Юлик, это ты, любовь моя? Почему ты не приезжаешь? Я по тебе сильно скучаю!

Юлик настороженно замолчал.

– Алле, радость моя, – продолжал пищать Никита, – почему ты молчишь? Ты разлюбил меня, негодник...

Юлик, очевидно, находясь в полном тупике, наконец спросил:

– Эй, Лана, кто это говорит? Ты с кем в ванной?

Лана, зажав рот ладошкой, еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться.

– Лана, не молчи, ответь ему, что это я, – срывающимся на фальцет голосом продолжал розыгрыш Никита. – Кстати, потри мне спинку и животик. Ой, только не так быстро, а то я возбуждаюсь.

– Это она, она! – Лана, взяв мочалку в руки стала водить Никите по плечам и животу, при этом опускаясь все ниже и ниже.

– Ой, я не могу! Юлик, приезжай быстрее, мне тебя так не хватает!

– Эй, Самолетов, паразит, это ты? – наконец за океаном сообразил Юлик, и облегченно засмеялся. – А я думаю, что-то голос знакомый, а не могу понять кто.

– Привет, братан, – уже нормальным голосом попри-
ветствовал американца Никита, передразнивая его блатной
жаргон. – Как мы тебя купили!

– Купили? – не понял Юлик.

– Ну, это в русском языке есть такое выражение. То же
самое, что накололи.

– А, да! Нет, я сразу понял: что-то здесь не так. Кстати,
а где Люба? Я и в самом деле хотел ее поздравить с днем
рождения.

– Где, где! Думаешь, она без тебя будет сидеть дома и ку-
ковать? Ой! Кто-то меня здесь хватает...

Это была Лана, уже добравшаяся до кое-чего, и, слегка
сжав это кое-что одной рукой, другой выразительно крутила
пальцем у виска.

– Это я пошутил, Юлик! На самом деле она в читалке, к
экзамену готовится.

Лана одобритительно закивала головой.

– Так поздно?! – удивился Юлик.

– Ну да. Он у нее завтра, и она не успевает.

– А вы, значит, в ванной сидите? – в голосе Юлика прозвучало тщательно скрываемое разочарование и ревность, оттого что с Ланой в ванной сидит не он.

– И не только сидим... мы еще и... – Никита не успел за-

кончить фразу, так как рот его был тут же заткнут мокрой мочалкой.

– ...мы еще и моемся, – закончила фразу Лана.

– Нет, мы еще... – Никита пресек попытку Ланы заткнуть его рот во второй раз, – ...мы еще греемся.

Лана с облегчением погрозила ему кулаком.

– Ты же был здесь недавно, – Никита сделал многозначительную паузу, в свою очередь показывая кулак Лане, – знаешь, какая у нас в России холодрыга. Только в горячей ванне и спасаемся. Так всю зиму в ней и сидим.

– А у тебя как дела? – спросила Юлика Лана.

– Все о'кей, только скучаю немного. Скоро приеду, тогда и встретимся.

– Здорово! Любка будет очень рада, что ты позвонил. Я обязательно передам ей твои поздравления.

– Ну ладно, я еще завтра позвоню, – стал прощаться Юлик. – А вы, смотрите, не перегрейтесь, а то врачи долго в ванне сидеть не рекомендуют.

– Мы постараемся, Юлик, – с иронией уверил его Никита. – А то давай на самолет – и к нам.

– Я бы с радостью, но дела держат. До встречи.

– Давай.

– Пока, Юлик, мы тебя целуем.

Лана выключила громкоговоритель и отложила трубку подальше от воды.

– И чего ему в Америке не сидится? – задался риториче-

ским вопросом Никита.

– У него здесь бизнес, – попробовала защитить Юлика Лана.

– Знаем мы его бизнес. В Америке-то с этим бизнесом не особенно преуспеешь, а у нас раздолье: стоит ему заговорить с английским акцентом, как наши дурехи готовы отдаться за одну его мягкую букву «р».

– Ладно, не такая уж она у него и мягкая, – улыбнулась Лана.

– А ты откуда знаешь?

– Любка рассказывала.

– Смотри у меня, – шутливо пригрозил Никита.

– Кстати, что касается акцента: дома он тоже, насколько я знаю, не скучает.

– Это верно, – согласился Никита. – Только не скучает он, в основном, тоже с нашими.

– Ой, да! Это мне только сейчас в голову пришло.

– То-то. Видите ли, Любу он звонил поздравить. А по-моему, его интересует вовсе не Люба.

– С чего ты взял? – Лана весело брызнула водой в лицо Никиты.

– Не знаю, мне так кажется, – сказал, утираясь, он.

– Прекрати! Ты же знаешь, что если даже он попробует, у него ничего не выйдет.

– Ты не понимаешь. Как любой американец, он победитель по натуре. А женщины для него – как крепость, кото-

рую надо взять во что бы то ни стало. Иначе он не победитель, и смысл существования теряется. Происходит раздвоение личности: человек либо добивается своего любой ценой, либо сходит с ума.

– Что же мне сделать, чтобы он от меня отстал?

– Единственный способ добиться, чтобы он отстал – это дать ему.

– Что ж, я подумаю, – с серьезным видом сказала Лана.

– Попробуй только! Я же могу и убить, чтобы ты больше никому не досталась. Положу на балкон, чтобы не испортилась, а когда захочу тебя, то буду класть в теплую ванну, а потом трахать.

– Ничего не выйдет. После теплой ванны у меня слезет кожа.

– Об этом я и не подумал. Вообще, живая ты лучше. У тебя удивительное тело: такое впечатление, что у него повышенная температура, хотя ты не болеешь. У тебя можно греться, как у печки. И как от такого маленького тела может исходить столько тепла!

Никита стал нежно плескать из ладоней на ее тело, возбуждаясь от вида стекающей по ее плечам и груди воды, которая струилась с кончиков острых нежно-розовых сосков.

– Знаешь, я давно хотел тебе сказать: с таким телом тебе только в порно-фильмах сниматься.

– Вместе с тобою? – улыбнулась Лана, глядя ему в глаза и одновременно с его ладонями сжимая свою грудь.

– Да. И это будут лучшие кадры в своем жанре, – сказал Никита и взял с краешка ванны шампунь.

Во всем его сознании царил покой и умиротворение. Только что он испытал одно из самых восхитительных соединений с женщиной в своей жизни. Он невероятно ярко ощущал, как два их тела сейчас лежат, прижавшись друг к другу, где-то в центре России, в забытом богом и людьми месте. А еще у них есть вино, еда и электрический камин. Еще у них есть они сами. Они лежат в объятиях друг друга, и им очень хорошо. Им больше никто не нужен, только бы это длилось вечно.

Весь дом давно уже спал. Тинэйджеры растворились в темноте и даже метель утихла, оставив после себя лишь завораживающее падение больших подсвеченных синими уличными фонарями хлопьев, тихий шорох которых смешивался с шепотом любовников, погруженных в глубокое одиночество вдвоем.

– Ты боишься одиночества? – спросил он Лану.

– Наоборот, я его обожаю, – проворковала она, лежа у него на груди. – Но еще больше я люблю, когда рядом есть кто-то, кому я могу рассказать, как я его обожаю.

– А я всегда жутко боялся, когда родители оставляли меня одного. Я сразу представлял, что бандиты откроют дверь и поймают меня. Я даже придумал, как избавиться от этого страха. Я выключал везде свет, забирался под стол с изогну-

тыми ножками в самой дальней комнате, накрывался старым ковром, оставляя лишь маленькую дырочку, чтобы наблюдать за происходящим, и лишь тогда чувствовал себя в безопасности. Если кто-то придет, думал я, он никогда меня не найдет. Странно, но сейчас у меня точно такое же ощущение.

– А я играю роль старого ковра, – в шутку предположила она.

– Очень может быть, – ответил он. – Ковер играл роль самого безопасного места, из которого когда-то вышел человек. И это место – женщина. Недаром же я себе дырочку для обзора оставлял.

– Ну, спасибо! Такого сравнения я не ожидала.

– Не сердись. Я и сейчас люблю выключать свет во всех комнатах и сидеть в полной темноте один.

– Как много между нами общего!

– Да. Нам обоим в жизни нужен рядом мягкий и покладистый человек, который будет мириться со всеми нашими недостатками. А для тебя еще нужно, чтобы у него было много денег.

– Кажется, такой у меня уже есть...

Никита не стал уточнять, о ком она говорит, ошибочно приняв ее слова на свой счет.

День Рождения

На следующий день девочки решили справить день рождения Любы. Никита великодушно предложил помочь со столом и спиртным. Люба попыталась отказаться, но Никита убедил ее, сказав, что он все равно должен подарить ей что-то, так пускай стол и будет подарком.

Они съездили в центр города и купили кучу разных полуфабрикатов и готовых салатов, что привело девушек в полный восторг, так как отпадала необходимость готовить все это самим.

В гости были званы школьные подруги и друзья. Чтобы все приглашенные поместились, пришлось к раздвижному полированному столу из большой комнаты добавить кухонный столик. Скатерти в доме не оказалось, поэтому закуски и посуду ставили прямо на стол, что придавало ему неприлично голый вид.

В последнее время Никита стал задумываться, почему в России любой праздник требует застолья с обильной едой и выпивкой. Западный фуршет никак не хочет приживаться на российских просторах. Возможно, еда и выпивка с бесчисленными тостами по кругу являются главным народным развлечением: первый тост за именинника, второй – за родителей, третий – за всех присутствующих дам, десятый – вообще за все хорошее, двадцатый – чтобы каждый из собрав-

шихся вспомнил, а за что, собственно, все сегодня пьют.

К шести стали собираться гости. Никиту познакомили с каждым, не сообщая, кто он и откуда. Более того, Лана почему-то попросила его не показывать очень уж откровенно степень их близости, чтобы все подумали, будто он приятель именинницы, которой не пристало быть одной в столь торжественный день. Никита честно пообещал Лане маскироваться изо всех сил.

К семи часам друзей и знакомых набрался полный дом, а гости еще продолжали прибывать. Никита чувствовал почти физические страдания от необходимости поддерживать непринужденный разговор с людьми, чуждыми ему не только по возрасту и образованию, но и по взглядам на окружающий мир. Несмотря на то, что он прекрасно умел мимикрировать и приспособлялся к любому собеседнику, он все чаще и чаще ловил себя на мысли: а, собственно, зачем ему это надо? В юности он думал, что это потребуется, чтобы как-то лучше устроиться в обществе, завоевать в нем более высокие позиции. Однако теперь, когда он стал морально и материально вполне независимой личностью, он все чаще стал уходить от общения с неинтересными ему людьми, просто отмалчиваясь в их обществе, чем, к своему удивлению, приобретал еще больший авторитет.

Однако теперь ситуация была несколько иной, и просто отмалчиваться в компании молодых людей он не мог. Он чувствовал себя в несколько враждебном окружении и со-

всем не хотел высокомерным поведением привлечь к себе излишнее внимание.

Самолетову пришлось вспомнить старую способность завораживать собеседника умной беседой, как бы играя с ним в пинг-понг мыслями и понятиями – спокойно, не роняя мячик, даже если гораздо менее ловкий противник ошибется при ударе, чем доставлял собеседнику удовольствие от увлекательной, не прерываемой досадными паузами игры.

Таким образом он расположил к себе практически всех молодых людей, хотя и чувствовал в них избыток агрессии, который они готовы были излить на любого подставившегося. Никита не давал им повода выбрать себя в качестве атакующей цели. Он не выдал в себе ни столичного жителя, ни выпускника университета, ни человека, в которого Лана была влюблена. Хотя он понимал, что многие из присутствующих в свое время уделяли его девушке определенное внимание: может быть, кто-то раньше был ее любовником, а кто-то был не прочь стать им сейчас – слишком заметно она отличалась от своих подруг внешностью и раскованным поведением.

И, кажется, он добился своей цели. Три парня призрачного вида, похоже, приняли его за местного авторитета. И разговор чуть не дошел до выяснений, кого из городского преступного мира он знает.

«Господи, – подумал Никита, – и эти туда же! Им, как и всем юношам, безумно нравится играть в крутых, даже ес-

ли эта крутизна строится на близости к той или иной криминальной группировке. А, собственно, на чем еще может строиться крутизна в этом заштатном городишке, где на самом деле и мафии-то толковой нет, потому как грабить особенно нечего».

Он быстро и достаточно легко увел разговор в сторону автомобильной тематики, где мог часами рассказывать забавные случаи и сыпать информацией по маркам машин.

Женская половина вечеринки тоже не обошла своим вниманием незнакомца. Никита спиной чувствовал, что девушки хотят с ним познакомиться поближе. И такая возможность им представилась, когда во второй пустой комнате без мебели потушили свет и устроили танцы.

Сначала все бесились под какой-то рок-н-ролл, после чего заиграл «медляк», и Никита тут же оказался в объятиях немного полноватой и слегка развязной девицы с привлекательным располагающим лицом и пазухой, полной грудей.

Она была уже изрядно пьяна и источала после быстрого танца запах жасминовых духов и женских завлекающих секретий.

Никита неплохо вел, и она это сразу почувствовала. Прильнув к нему своим разогретым танцами и близостью мужчины телом, она томно спросила:

– Почему я вас раньше не видела?

– Я тоже раньше вас не видел, – ответил Никита и льстиво добавил, – о чем очень сожалею.

– Почему?

– Потому что грех не познакомиться с такой обаятельной и привлекательной девушкой.

Его партнерша пьяно, но с долей иронии улыбнулась, сразу выдав свой ум. Она поняла, что он ей льстит, чтобы сделать приятное, а вовсе не потому, что действительно о чем-то жалеет.

– А где вы живете? – неожиданно спросила она Никиту, заставив его лихорадочно соображать, что на это ответить.

– А-а, там! – махнул он неопределенно в сторону домов за окном.

– А я на левом берегу. Кстати, меня зовут Вика.

– А меня – Никита.

– Очень приятно, Никита. Вы здесь так от всех отличаетесь! В вас есть что-то необычное.

– Никогда за собой не замечал ничего необычного. Выйдите на улицу: там таких тысяча ходит.

– Только не в нашем городе, – фыркнула Вика. – У нас тут вообще редко можно встретить нормального мужчину. По улице ни пройти ни проехать: каждый норовит остановить свой зачуханный мерседес и предложить подвезти.

– А если попробовать общественный транспорт?

– Там еще хуже. Иногда напротив сядет такой раздолбай, разящий перегаром, и пялится, как будто на мне что-то нарисовано – а сам лыбится, да так противно, как будто читает мои мысли. Меня сразу паника охватывает: боже, о какой

ерунде я думаю, надо думать о чем-нибудь серьезном. Я пытаюсь думать о высоком искусстве, но в голову продолжает лезть всякая чепуха. Наконец, я теряю терпение и мысленно передаю мужику, чтобы он шел ко всем чертям. Обычно в этом месте он отводит взгляд.

– Ни за что не поверю! Неужели на весь город нет ни одного приличного человека? Вот так пошлешь кого-нибудь подальше, а он может оказаться неплохим парнем. А вдруг это судьба?

– Ну да, судьба. Познакомилась я тут как-то с одним, тоже меня до дому проводить взялся. Ничего, смазливый такой, и одет прилично, с портфельчиком. И черт его дернул полезть ко мне целоваться в подъезде. Пришлось ему врезать... между ног. Сразу отвалил, дурак.

– Да, наверно, это сильно раздражает, – улыбнулся Никита, – когда мужчина так быстро оставляет попытки добиться поцелуя или затащить в постель. Вероятно, это укрепляет вас во мнении, что мужчины в своей массе – идиоты.

– Ну почему? Вот вы, похоже, совсем не идиот.

– Спасибо за комплимент.

– Знаете, Никита, у меня есть одна проблема, – с пьяной откровенностью вдруг призналась Вика. – Я все время сплю с друзьями моего мужа.

– Вы замужем? – удивился Никита.

– А что, не похоже? – пьяно улыбаясь, проговорила Вика. – Кстати, он здесь, но кто именно – не скажу.

– Ревновать не будет?

– Плевать, он сам мне изменяет. А вы мне понравились! У меня такое впечатление, что вы не тот, за кого себя выдаете.

– Да нет, я такой, какой есть. Но все равно спасибо за теплые слова.

– Да ладно, к черту. Чего ходить вокруг да около, скажу откровенно: я вас хочу...

Никита даже не сразу нашелся, что ответить. Однако Вика продолжала наступать:

– Если хотите, можете проводить меня до дома – я замечательно завариваю чай.

Так откровенно Никиту снимали первый раз в жизни. Совершенно неожиданно это его дико смутило. Надо было срочно найти решение, как выйти из сложившейся ситуации и при этом не обидеть девушку отказом. Как известно, гораздо больше усилий приходится затрачивать на то, чтобы от женщины отвязаться, чем на то, чтобы ее обольстить.

– А как же муж? – попытался нащупать почву для отступления Никита.

– Испугались? А я думала, вы храбрый.

– Нет, не испугался, просто это как-то странно.

– Не бойтесь, мы уже месяц вместе не живем. Он сейчас как раз подбивает клинья к вашей Лане.

– А почему вы решили, что она моя?

– Потому что я все про вас знаю, поэтому и пристала – очень уж ты мне нравишься, – неожиданно перешла на «ты»

Вика. – Ну так что, поедем ко мне?

– Обязательно, только в следующий раз, – Никита с легким сердцем оставил Вику среди танцующих пар. – Извини, мне надо ее найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.